

Мирослав Селенин

Странник

Роман-поток

16+

Мирослав Селенин

Странник

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Селенин М.

Странник / М. Селенин — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Существует ли на самом деле та другая реальность, которую принято называть "миром духов"? Где находится вход в этот мир и где найти проводника, способного помочь понять истинную природу вещей? Какие физические законы там действуют? И как их можно использовать, чтобы победить вселенское зло и вывести человечество на новый уровень технологического и духовного развития? Обо всем этом и не только Вы узнаете, совершив вместе со мной, извечным заблудшим Странником, ведомым надежным Поводырем, невероятное трансцендентальное путешествие не только по тропическим лесам Южной Америки, но и по самым отдаленным уголкам мироздания. Через магические обряды, погружение в состояние транса, опасности и забавные ситуации мы придем к пониманию того, как на самом деле устроена наша Вселенная и какую роль выполняет в ней каждый из нас, даже не догадываясь о том, частицей какого необычного механизма он является...

Предисловие

Я все же решил написать предисловие к моему роману. Я назвал свои мемуары роман, потому что не знал других слов для обозначения того, что продиктовал для вас, люди. Если бы я назвал свою работу поток, то многие из Вас наверняка покрутили бы пальцем у виска и навсегда отбросили бы эту рукопись. Если бы я назвал ее мемуарами, возможно, кто-то бы заинтересовался такой необычной жизнью такого необычного существа, как я, и безоговорочно поверил бы во все сказанное. Но я сохраню для Вас, мои дорогие противоположности, самое главное, что я могу сейчас для Вас сделать – это интригу Вашего брэнного, а может, исключительного, существования? – и расскажу так, как у меня получается – дискретно, но ясно и, по возможности, аргументировано, с тем, чтобы у того, кто услышит и поверит, открылись уши, у того, кто увидит и поймет, открылись глаза, а для того, кто не услышит, не увидит, но почувствует и поймет, отрылся весь мир!

Истинно говорю Вам, люди! Ваши ученые и ваши властители обманывают Вас. Сами они давно уже пользуются привилегиями другой реальности, а Вас заставляют «умирать за баблом». Откуда я знаю такие слова? Непонятно. Хотя почему бы и нет? Знаете ли Вы, что я пишу эти строчки одновременно на пяти языках без помощи какого-либо компьютера или иного устройства. Я просто знаю то, что знаю, в том числе несколько языков, в том числе мертвых, то есть таких, на которых никто сегодня не говорит, но я знаю также и несколько мертвых естественных наук, о которых почему-то никто не думает. Вместо этого Вы, странные люди, несмотря на многочисленные подсказки, изобретаете что-то квазинаучное, что сначала поражает своей оригинальностью и всеобъемлющими возможностями, но потом точно также благополучно вас покидает или запутывает так, что Вы долгие годы, если не столетия, бродите впотьмах, за деревьями не видя леса.

Ваш мозг, этот огарок свечи всеобщего знания и благополучия, сжигает Вас до конца, не оставляя ни воспоминаний о славном идиллическом прошлом, ни о скрытом под тенью черепной коробки грядущем, зная которое, Вы, наверняка, смогли, бы внести в свою жизнь определенные коррективы и построить наше общее неизбежное будущее в более светлых, а не полосатых интерференционных тонах. Ага! Вот первый раз и булькнуло, проскочило одно не очень понятное слово в нашем романе-потоке. Интерференционное! Не буду тормозить и останавливаться на этом. Тот, кто знает или хочет знать, тот поймет, кто нет или не хочет – это тоже ваше право. Гораздо проще жить, закрывшись в своей норе и, оправдывая свое существование какой-нибудь рациональной философией, вроде воинствующего материализма или сциентизма, как сейчас у Вас принято говорить, стараться не быть белой вороной среди других, которые нечаянно или по злему умыслу вполне могут заклевать Вас за ваши весьма странные и неординарные суждения.

Если Вы сейчас читаете эти строки – значит, мир ирреального, духовного и, вместе с тем, вполне в скором будущем объяснимого с научной точки зрения для Вас реально существует. Не обессудьте – значит, Вы не такой как все. Радоваться этому или нет – исключительно ваш выбор. Кто-то хочет земной славы и известности, а кто-то вечности и спокойствия для более полного погружения в окружающую действительность. Я думаю, что, если бы я пришел в этот мир обычным путем – от соития мужчины и женщины – я, вероятно бы, тоже стремился к тому, к чему стремитесь все вы, поощряемые псевдоглубинными знаниями и господствующими в настоящее время в обществе законами. Но я пришел сюда другим путем, я жил среди Вас, я многое понял, но я вынужден был сделать то, что сделал, и вернуться. Таково было, по-видимому, мое предназначение. Несмотря на некоторую высокопарность, мне очень нравится это слово. Предназначение! Вообще, оно говорит о многом. Во-первых, Вы знаете, что это значит. Во-вторых, Вы понимаете, что обязаны что-то совершить, как правило, неординарное или

великое. В-третьих, Вы понимаете, что это выше Вас. В-четвертых, что это обязательно, полюбому, произойдет. В-пятых, что это будет иметь совершенно конкретный полезный результат, от которого Вы лично и общество смогут получить определенную пользу. В-шестых, никто, кроме Вас, этого не сделает. В-седьмых, никому, кроме Вас это не надо! Есть еще, конечно, и, в-восьмых, и, в девяносто-девятых, и так далее...

Но, если Вы дочитали до этого места, мой единственный читатель, значит, я обращаюсь именно к Вам. Привет! Чувствуете теперь, что Вы не одни на этом свете? Не волнуйтесь! Так оно и есть. С Вами я! Ваши друзья и родственники, живые и умершие. Вымышленные и будущие, те самые, которые помогут Вам тогда, когда Вы поймете и пересечете черту... Свобода! Отсутствие боли и страданий. Вечный блаженный полет без какой-либо дискретности и прочей вредящей полету чепухи – что может быть лучше? Не читайте то, что написано – смотрите между строк и Вы увидите главное – извечный трансцендентальный мир и существующий в нем постоянно меняющийся ритм нерушимой, казалось, Вечности. Сегодня, знайте, что Вы пользуетесь лишь малой толикой того, что изначально было в этом подлунном мире. Помните, что ваши знания сильно ограничены черным ящиком, который представляет из себя человеческий мозг. Знайте, что многое предопределено, и все идет к своему логическому завершению. В мире возрастает энтропия, то есть всеобщий беспорядок. Он есть осколок некогда былого величия – вселенского совершенного пазла гармонии и абсолютного знания. Вот и я сказал это, – а как не сказать? – в начале было все, но вскоре не будет ничего!.. Не будет ли?

А, может, напротив, все скоро вернется вновь. Великое противостояние народов закончится. Многие лидеры потеряют свою власть над теми, над кем они ее, по большому счету, никогда и не имели. Философская и религиозная парадигмы общества неизбежно изменятся. Материализм и традиционная, не менее, кстати, консервативная, чем сциентизм, религия уступят свое место неожиданным проявления творчества. Мир не сойдет с ума. Не выстроится в очередь за гамбургерами и айфонами. Почему? Не только потому, конечно, что на смену гамбургерам и айфонам придут еще более сложные и совершенные изобретения, доставляющие столько приятных ощущений некоторым нашим чувствам. Все дело в том, что грядет новая эра – эра всеобщей любви и взаимного проникновения. И это не просто слова. За ними скрывается новое знание, реальный мир, который правит вашими чувствами, мыслями и конечностями.

Современная медицина и психология много говорят о структуре и свойствах мозга, – кстати, тут пришла в голову мысль, что когда ссылаешься на чье-то компетентное мнение, то сам об этом ничего, по большому счету, не знаешь, – которые подразумевают его крайнюю ограниченность и заторможенность по сравнению, по крайней мере, с разного рода излучениями, которыми пропитана вся наша Вселенная. Собственно, об этом мы и будем вести речь дальше: об излучении, квантах и фотонах, а также частицах, описываемых квантовой теорией, и, одновременно, о физических телах, традиционно точно описываемых гравитацией Ньютона. Не волнуйтесь, Вам не понадобятся специальные знания, ведь я пришел в этот мир абсолютным, в этом смысле, гуманитарием. И все же сумел понять и оценить то, что мне следовало. Тот, кто не имеет предубеждений, поймет, что между наукой и мистикой есть совершенно четкая взаимосвязь. И тот факт, что глазами мы видим не совсем то, что описывается математическими формулами, еще не повод отрицать очевидное, а именно то, что видимая реальность, на самом деле совсем не такая, какой мы ее себе представляем.

Запомните, люди: она просто другая – и все! В этом нет ничего сверхъестественного. Ведь вы не удивляетесь тому, что компьютер, находящийся на вашем столе, устроен в глупине на основе нулей и единиц, но через определенный интерфейс выдает Вам удобную картину, да еще и на родном для Вас языке? А почему тогда Вы должны удивляться, если другая реальность, используя вашу черепную коробку и еще некоторые небесполезные органы, через интерфейс, скажем так, вашего коллективного бессознательного, рисует перед Вами удобную или привычную для Вас реальность? Что тут странного? Может, Вы давно уже живете на «без-

жизненном Марсе», но с помощью новейших биотехнологий передаете необходимые сигналы вашей проекции или точной копии на Земле?

Считаете это невероятным? Что ж, это ваше право! Однако, прочитав этот квантовый роман-поток, я уверен, Вы узнаете и поверите в гораздо большие чудеса, чем те, с которыми Вы сталкивались в своей жизни. Другие сделали это за Вас, и отрицать этот факт как минимум нецелесообразно. Гораздо умнее, вооружившись новым знанием, попытаться подняться вместе с другими просвещенными людьми на новую ступень развития и, оглядевшись вокруг, взять на себе смелость признаться в том, что Вы во многом были не правы и многое недооценивали. Мир вокруг Вас совсем не такой, каким кажется. И Вы, на самом деле, не те, за кого пытаетесь выдать себя. Нам, вашим самым близким друзьям и покровителям, все это очень хорошо видно и по-человечески понятно. Будьте самими собой в своих наиболее красивых трансцендентальных проявлениях. И пусть ваш мир заимствует как можно больше из нашего такого прекрасного, хоть и не менее противоречивого, волнового мира, общего поля Разума или, как вы, люди, любите выражаться, мира духов. И да вернется все на круги своя! И да закончится энтропия и возродится вокруг абсолютный в своей гармонии и совершенстве, кристально-чистый вселенский порядок!

Глава 1. Странный случай в Массачусетском технологическом институте.

Профессор Дейв Штанмайер встал этим ничего плохого не предвещающим утром не с той ноги. «И всего-то?» – ухмыльнулся он, но тут же почувствовал, как необычная, чем-то похожая на тяжелое похмелье, чуждая сила крепко сдавила его виски. «Что за чертовщина!» – выругался он и направился в ванную. Контрастный душ, который он обычно принимал, быстро привел его в чувство. «Слава Богу», – подумал профессор и, плотно позавтракав в компании с женой, которая была моложе его на пятнадцать лет, оделся и направился на лекцию, с которой он обычно начинал читать свой курс по квантовой физике. Он шел по липовой аллее, наслаждаясь носившимися в воздухе запахами и размышляя о превратностях судьбы, с точки зрения вероятностной природы всего сущего. Жизнь его, в принципе, удалась. В свои шестьдесят два года он обладал докторской степенью, был автором около ста научных публикаций, в том числе восьми книг. Воспитал четырех детей. Заработал неплохой капитал. Построил дом. Посадил дерево.

Единственное, что не давало ему покоя долгие годы, так это извечная квантовая неопределенность, преследующая его за каждым углом. Однажды он так глубоко вошел в свой сложный предмет, что навсегда сделался его рабом. Во что бы то ни стало, за хитрыми формулами он хотел найти простое и понятное для всех объяснение этой сложной теории с позиций логики и здравого смысла. Но коварная, вечно флуктуирующая и коллапсирующая реальность никак не хотела открывать свое истинное лицо. Удивительное дело: квантовые формулы работали и давали правильные результаты, не раз подтвержденные опытными измерениями, но почему они работали до конца не понимал практически никто. Это можно было сравнить с ситуацией, при которой фокусник, искусно владеющий исполнительским мастерством, сам не знал, в чем именно состоит секрет фокуса. Парадоксально, но факт! И над решением этого парадокса ученый бился уже много лет. Ладно еще, если бы он был один, но ведь и многие другие зубры от науки пообтесали клыки в поисках смысла квантовой теории. Даже один из ее основателей Ричард Фейнман говорил: «Я думаю, что смело могу утверждать: если теорию относительно-сти в мире понимают, по крайней мере, несколько десятков человек, то квантовую механику не понимает никто!»

Может быть, если бы в юности Дейв послушался своего отца, успешного адвоката, и пошел бы по его стопам, то мир не казался бы ему таким противоречивым. Да, он мог бы быть для него не таким глубоким и не таким романтичным, но зато предоставил бы массу дру-

гих более ощутимых материальных удовольствий, а главное, гармонию со своим внутренним «я». Но, как назло, именно тогда, когда надо было принимать одно из самых фундаментальных решений в жизни, а именно определяться с выбором института, ему попала на глаза популярная книжка, в более чем доступной форме рассказывающая об относительно молодой тогда еще науке – квантовой механике. Он хорошо помнил, что начиналась она с волшебного по истине двухщелевого эксперимента, проведенного Томасом Юнгом еще в 1803 году. Самое поразительное в этом опыте было то, что направляемый на непрозрачный экран-ширму с двумя параллельными прорезями с шириной, равной длине волны, позади которого устанавливался проекционный экран, пучок света, вел себя совершенно непредсказуемым образом.

Если исходить из того, объяснялось в книге, что свет состоит из частиц (корпускулярная теория света), то на проекционном экране можно было увидеть только две параллельных полосы света, прошедших через прорези ширмы. Между ними проекционный экран оставался бы практически неосвещенным. С другой стороны, если предположить, что свет представляет собой распространяющиеся волны (волновая теория света), то, согласно принципу Гюйгенса, каждая прорезь являлась бы в этом случае источником вторичных волн.

При этом, в соответствии с волновыми свойствами, утверждалось, что если вторичные волны достигнут линии в середине проекционного экрана, находящейся на равном удалении от прорезей, в одной фазе, то на срединной линии экрана их амплитуды сложатся, что создаст максимум яркости. То есть, максимум яркости окажется там, где согласно корпускулярной теории, яркость должна быть практически нулевой. С другой стороны, на определенном удалении от центральной линии волны окажутся в противофазе – их амплитуды компенсируются, что создаст минимум яркости (тёмная полоса). По мере дальнейшего удаления от средней линии яркость периодически будет меняться, возрастая до максимума и снова убывая, создавая на проекционном экране чередующиеся светлые и темные, как у зебры, интерференционные полосы. Эта странная картина и была в результате получена Томасом Юнгом, доказавшим волновую природу света. Вместо двух светлых полос от света, проходящего через две щели, на экране возникала целая интерференционная череда.

Именно после прочтения этой скучной, по большому счету, книжки у Дейва Штанмайера произошло устойчивое раздвоение сознания, и он, клятвенно обещая отцу заняться адвокатской деятельностью, стал усиленно тайно готовиться к поступлению на физический факультет. Соответствующая литература, которую он стал поглощать в громадных количествах, не освободила его от возникшего комплекса, а, напротив, все больше и больше укореняло его в еще не окрепшем сознании молодого человека. Дуализм природы и собственного сознания не давал Дейву покоя ни днем, ни ночью. Иногда ему снились чудовищные эксперименты, от чего он просыпался в холодном поту и потом долго еще не мог заснуть, пытаясь найти в увиденном какую-то подсказку или рациональное зерно.

Когда же речь заходила о роли наблюдателя, присутствующего при проведении тех или иных опытов, то здесь Дейва клинило окончательно и бесповоротно. Хоть убейте, но он никак не мог понять, как сам факт наблюдения в квантовой механике может влиять на результаты эксперимента. «Каким образом, – задавал он себе один и тот же вопрос, – это может происходить? Мы что, волшебники, способные своим взглядом изменять существующую реальность?» И раз за разом он воспроизводил по памяти один из главных мысленных экспериментов, объясняющих этот факт, – так называемый «парадокс кота Шрёдингера».

В закрытом ящике находится кот, а рядом с ним, в том же ящике, – атом радиоактивного изотопа, счётчик продуктов распада и устройство, которое при срабатывании счётчика разбивает ампулу с ядом. Пока атом не распался, с котом всё в порядке, но, когда атом распадается, под действием продуктов распада срабатывает счётчик, по его сигналу специальное устройство разбивает ампулу, и кот гибнет от яда.

Далее вступает в силу вероятностный характер квантовой механики. Неизвестно, когда атом распадется, в каждый данный момент имеется лишь определённая вероятность распада. А точнее, в каждый данный момент атом находится в суперпозиции двух состояний: состояния, когда он ещё не распался, и состояния, когда он распался. И в результате возникает парадокс. Подходя к закрытому ящику, мы должны, согласно законам квантовой механики, считать, что система (атом плюс кот) находится в суперпозиции двух состояний: нераспавшийся атом плюс живой кот и распавшийся атом плюс мёртвый кот.

Открыв ящик, мы, разумеется, никогда никакой суперпозиции не обнаружим, а увидим либо живого кота (и ещё не распавшийся атом), либо мёртвого кота (и уже распавшийся атом). Описание системы зависит, следовательно, от того, открыли мы ящик или ещё не открыли. В этом и состоит парадокс.

В более общих терминах описание системы после измерения зависит от того, осознал наблюдатель результат измерения или нет. В случае шрёдингеровского кота измерением можно считать всю описанную процедуру, а результатом измерения – то, что наблюдатель видит, открыв ящик. При этом драматическая ситуация с гибелью кота призвана лишь усилить психологическое воздействие на того, кто рассматривает эту ситуацию. На самом деле парадоксальность возникает в любом квантовом измерении: пока результат измерения не осознан наблюдателем, этот наблюдатель описывает состояние системы как сосуществование (суперпозицию) двух или более альтернатив. Если же результат измерения уже осознан, тот же наблюдатель описывает состояние как одну из альтернатив.

Каждый раз, перед тем, как открыть холодильник, молодой Дейв представлял себе, как в нем бегают живая еще курица, несущая яйца, помидоры зеленеют на ветках, а молоко находится не в пакетах, а в коровьем вымени. И только после того, как он заглядывал внутрь, то есть проводил, в известном смысле, измерение системы, он убеждался в том, что все же внутри холодильника находятся полуфабрикаты, а не сами целые и невредимые, хоть и потенциально съедобные растения или животные.

По мере накопления квантовой информации его мозг становился все тяжелее и тяжелее, а психоз нарастал. К тому же, отец все чаще и чаще стал спрашивать его о планах поступления и предлагал конкретные варианты из числа лучших американских юридических учебных заведений. Пора было кончать с этой личностной суперпозицией (юриспруденция – физика) и однажды вечером Дейв решительно заявил отцу:

– Я хочу заниматься квантовой физикой.

Услышав это, пожилой адвокат вышел в свой кабинет и застрелился. В переносном смысле этого слова, конечно. Он не хотел переубедить сына, ибо понял, что это, вряд ли, получится. А радостный Дейв, которого после чистосердечного признания сразу отпустило, пошел первый раз в бар и напился с друзьями до состояния полураспада, хотя это состояние имело к квантовой механике лишь косвенное отношение.

На следующий день в его голове в состоянии суперпозиции находились такие противоречивые составляющие, как пиво и виски, но он продержался и к вечеру уже имел повторную вполне позитивную встречу с отцом на предмет выбранного пути.

– Я уважаю твое решение, сын, – сказал Штанмайер старший, – тем более, что твой прадед по материнской линии, как выяснилось, был достаточно известным физиком. Возможно, в тебе говорят его гены. Возражать против природы было бы преступно с моей стороны. Помни только одно: если тебе понадобится мудрый совет, ты всегда можешь обратиться ко мне, если это только не касается естественных наук. Признаться, я в них – полный профан. Более того, открою тебе еще одну маленькую тайну: все отличные юристы и экономисты – это неудавшиеся технари. Так что, вот тебе мое родительское благословение: хочешь быть физиком, значит, будь им!

Так оно, в конечном счете, и произошло. После получения степени бакалавра Дейв поступил в магистратуру физического факультета Массачусетского технологического института, с которым у него оказалась связана и вся дальнейшая жизнь. Естественно, по мере углубления в предмет знания ученого становились все более обширными и систематизированными. Он освоил целый ряд математических, физических и даже химических дисциплин. Все давалось ему относительно легко, все за исключением его любимой квантовой механики. Ее слишком вычурный, неестественный и, если угодно, нелогичный характер – как это – кот жив, и одновременно – кот мертв? – ввергали его в, казалось бы, давно забытое юношеское непонимание предмета и сопутствующее ему уныние. Самым неприятным во всей этой истории было то, что он совершенно отчетливо понимал, что разгадка этой дилеммы лежит где-то на поверхности, что она чрезвычайно простая, настолько простая, что ее до сих пор никто не может найти.

Порыв ветра, подувшего ему навстречу, приятно освежил Дейва и направил его мысли на содержание предстоящей лекции. Для начала всегда было полезно огорошить первокурсников всей этой гаммой квантовых парадоксов и неопределенностей. Забавно было смотреть в их глаза, полные ужаса и непонимая от всех этих квантовых перипетий. Наверное, в эти мгновения он вспоминал и себя некогда абсолютно беспомощного птенца, внезапно выпавшего из гнезда и попавшего в абсолютно другую реальность. Он знал, что это постепенно пройдет, но никогда не пройдет до конца. Осадок от чего-то недосказанного или недопонятого многие из них, вероятно, так же, как и он, пронесут через всю свою жизнь.

Затем Дейв подумал, что сегодня начнет с того, что расскажет студентам об одном из базовых принципов квантовой механики – принципе неопределенности Гейзенберга, в соответствии с которым частица с определённым значением энергии, находящаяся в коробке с идеально отражающими стенками, не может быть описана ни определённым значением импульса, учитывая его возможные изменения, ни каким-либо определённым положением или пространственной координатой. Поскольку волновая функция частицы делокализована на всё пространство коробки, то её координаты не имеют определенного значения. Локализация частицы осуществлена не точнее размеров коробки. В этой связи, о чем, собственно, и говорит принцип неопределенности Гейзенберга, наблюдатель не в состоянии измерить сразу обе величины такой частицы. В момент, когда происходит точное измерение импульса частицы, ее координаты не могут быть измерены, и, наоборот, при измерении координат нельзя определить импульс. Квантовая механика позволяет лишь с определенной вероятностью вычислить, скажем, местонахождение той же частицы. Проверить это можно путем ее фиксации, но, опять-таки, зафиксировав ее координаты, мы ничего не сможем сказать об импульсе частицы и так далее.

Потом он для разрядки как обычно расскажет студентам несколько анекдотов на эту тему. Например, такой. Полицейский останавливает Гейзенберга на дороге и спрашивает: «Вы знаете, как быстро Вы ехали, сэр?». На что физик отвечает: «Нет, но я точно знаю, где я!» Или еще такой. Домохозяйку спрашивают: «Скажите, в чем состоит принцип неопределенности для женщин?» А она отвечает: «Чтобы испортить отношения, достаточно их выяснить». После этого он по устоявшейся уже годам традиции покажет научно-популярный фильм о великих физиках прошлого, ответит на вопросы и запишет желающих с ним пообщаться дополнительно студентов на индивидуальную встречу. В общем, все будет как обычно, рутинно-торжественно, и едва ли какая-либо случайность вероятностного микромира сумеет нарушить это ставшее уже привычным течение жизни.

У дверей аудитории стоял небывалый ажиотаж. Съехавшиеся со всех уголков страны будущие физики знакомились друг с другом и делились разного рода информацией. Их лица были воодушевлены и благородны. Всегда было приятно смотреть на таких молодых людей. Они, безусловно, составляли цвет и опору нации. Конечно, опыт подсказывал, что не все из них донесут эту тяжелую ношу до конца института. Кто-то – обычно эта цифра находилась в

промежутке от семи до десяти процентов – отсеется в процессе обучения по причине неуспеваемости. Кто-то – обычно порядка пяти процентов – переведется в другое учебное заведение, но большинство из них останется. А кто-то – особо выдающиеся один-два человека из потока – станут в скором времени по-настоящему великими учеными.

При виде преподавателя студенты благоговейно замолкли и поспешили занять свои места. Профессор оглядел зал, поприветствовал собравшихся, попросил всех сесть и начал знакомство с переключки. После этого он отложил журнал посещаемости в сторону, достал необходимые материалы и приступил к лекции, стараясь придерживаться намеченного ранее формата. Сначала все шло как всегда, спокойно и тихо. Он старался говорить размеренно и громко, чтобы все могли записать его слова. Время от времени он обращался к интерактивной доске, на которую выводил соответствующие формулы и рисунки. Слышно было, как шуршали авторучки студентов. Кое-кто из них, впрочем, сразу записывал лекцию на планшет, что не поощрялось, но и не каралось в целом лояльным по отношению к своим студентам профессором.

Первая половина лекции прошла хорошо и мирно, а вот вторая внесла в жизнь Дейва Штанмайера и его учеников определенные коррективы. Все началось с того, что в одно из двух просторных окон с открытыми форточками кто-то неожиданно очень громко постучал. Звук был настолько резким и неприятным, что большинство студентов непроизвольно вздрогнули. Самого же профессора прошиб холодный пот, который ручьем покатился по его лбу и спине. Какое-то очень нехорошее чувство появилось у никогда ничего подобного не испытывавшего преподавателя.

– Прошу сохранять спокойствие, – сказал он.

Эффект от этой фразы возымел обратное действие. Студенты, также, по-видимому, почувствовавшие какую-то опасность, повскакивали со своих мест и стали в ужасе оглядываться по сторонам. Напряжение в аудитории нарастало с невероятной быстротой. Профессор внимательно проследил за взглядом одного из них и вдруг ахнул от неожиданности: он готов был поклясться, что прямо под потолком увидел медленно проплывающую и словно бы оглядывающую всех свысока полупрозрачную аморфную сущность, похожую на плазменный сгусток. На секунду Дейв закрыл глаза и сразу же открыл их вновь в надежде на то, что дикое видение исчезнет. Но этого не произошло. Напротив, создалось впечатление, что странное создание на чем-то или на ком-то концентрируется, все больше и больше сжимаясь в комок, так, словно оно готовится к прыжку.

– Кто-нибудь, вызовите, пожалуйста, полицию, – попросил профессор, не спуская глаз с непрошенного гостя.

Теперь он старался разглядеть пришельца повнимательнее. Неслучайно он сразу ассоциировал его с плазмой ввиду его тягуче-аморфной полупрозрачной консистенции. Цвет незнакомца был бледно-бирюзовым, собственно, благодаря чему он и был хоть и плохо, но все же заметен на светлом фоне недавно побеленного потолка. Несмотря на отсутствие каких-либо признаков живого существа, – глаз, пасти и тому подобного, – не вызывало никаких сомнений то, что это нечто – вполне мыслящее, да, к тому же, по всей вероятности, очень голодное создание. Это читалось, по его движениям и, если угодно, передавалось по воздуху неким телепатическим способом. «Подождите еще немного, – как бы говорила сущность, – сейчас я определюсь, и все скоро закончится. Бояться не надо, я пришла сюда не за тем, о чем вы все сейчас одновременно подумали. Мне не нужны все ваши жизни. Я заберу только одну, только одну...» И с этими словами она неожиданно резко, точно стрела, метнулась в сторону одного зазевавшегося студента.

Симпатичный высокорослый парень, имя которого профессор еще не успел запомнить, упал как подкошенный и забился в конвульсиях, сильно напоминая эпилептический припадок. В то время, как он в муках извивался и на глазах ошарашенных студентов, как

мог, пытался противостоять одолевающей его сущности, Дейв Штанмайер, повинувшись некому инстинктивному порыву, подбежал к стене, на которой висел огнетушитель, снял его и, добравшись до бедного студента, окатил его с головы до ног противопожарной пеной. К всеобщему удивлению, это странное, на первый взгляд, действие возымело свой эффект. Сущность неизвестно куда испарилась, а как ни в чем ни бывало поднявшийся на ноги студент стал интенсивно стряхивать с себя пену обеими руками, удивленно глядя на профессора и как бы спрашивая: «За что?»

Когда он закончил, все присутствующие окружили его, ощупали, кто-то даже потрогал его лоб, чтобы проверить температуру, после чего отложивший в сторону огнетушитель Дейв Штанмайер спросил:

– С тобой все в порядке?

– Со мной-то да, – неожиданно ответил студент, – а что произошло с вами? Почему вы меня вдруг окатили?

Профессор хотел было что-то сказать, но не смог найти внятного объяснения своим действиям. От затянувшейся было неловкой ситуации его спасло появление полиции, которую кто-то все же успел вызвать, и которая, как это не удивительно, сумела приехать достаточно быстро...

Глава 2. Странник.

Привет, я Странник. Это имя я дал себе сам. Как так получилось? Во-первых, мне некому было его дать, а во-вторых, оно очень точно отражает мою двойственную и противоречивую натуру. К тому же, если мы углубимся в семантику этого слова, то также найдем здесь много любопытного и имеющего ко мне либо самое что ни на есть прямое, либо опосредованное отношение. Конечно, прежде всего, я странник, путешественник, скиталец, пилигрим. Я пришел в этот мир неизвестно откуда, неизвестно когда и неизвестно зачем. Но я пришел, значит, это кому-то нужно. Возможно, вы удивитесь, но это было именно так и никак иначе: около двух лет назад я появился на Земле, скажем так, в уже готовом состоянии. Мне не нужно было, как всем вам, вырваться в течение долгих девяти месяцев в утробе матери, проходить стадии младенчества, детства и юношества. Я просто взял и появился на свет в образе мужчины в пору расцвета, то есть в возрасте примерно от двадцати до тридцати пяти лет. Правда, как вы, наверное, уже поняли, это не более, чем мое предположение. С тем же успехом мне может быть и сорок пять и семьдесят, и даже двести пятьдесят. Но мне, разумеется, приятно думать, что мне все же двадцать восемь. Поэтому остановимся на этой прекрасной во всех отношениях величине. Чем она прекрасна? Если мы начнем рассуждать на эту тему, то можем так далеко уйти в сторону от основного русла нашего повествования, что нас закружит водоворот событий и низвергнет водопад безвозвратности, так что постараемся, насколько это возможно, не отвлекаться и двигаться намеченным маршрутом. Единственное, что хочется сказать в защиту числа «двадцать восемь», так это то, что, согласно нумерологии, это крепкая единица, символ Солнца, цифра цифр и так далее и тому подобное.

Появившись на свет, я огляделся по сторонам и обомлел: так вокруг все было чудесно и необычно. Огромный океан накатывал волны на песчаный берег. Пальмы приветливо качали головами в такт мелодии, задаваемой легким освежающим бризом. Было раннее утро. Вокруг не было ни души. Только стая голодных пеликанов горделиво бороздила воздух в предвкушении свежей и обильной трапезы. Мне, кстати, тоже очень хотелось есть. Пожалуй, за чувством прекрасного, с которым я вошел в этот мир, вторым по счету появилось именно чувство голода. «Может быть, я зверь?» – промелькнуло у меня в голове, но я сразу же отогнал эту мысль, посмотрев на свои руки. Длинные музыкальные пальцы – а что тут скромничать, если так оно и есть?! – с ухоженными ногтями вселили в меня твердую уверенность в том, что я, по-

видимому, очень даже уважаемый мужчина – к слову, то, что я мужчина, я почувствовал практически сразу же, как только ощутил непомерное чувство голода, физиологическое и интеллектуальное одновременно. «Что ж, пора в дорогу», – сказал я сам себе и отправился туда, где, по моему мнению, постепенно уже начинало формироваться мое нетривиальное будущее. Поскольку сейчас это будущее уже в прошлом, я могу рассказать о нем, стараясь не упустить ни одной мало-мальски существенной детали. Говорят, что дьявол кроется в мелочах, но и божественное – поверьте мне, я знаю! – не лишено пунктуальной детализации, украшенной яркими всполохами вероятных и невероятных событий. То, что произошло со мной за эти полтора года, о которых и пойдет речь, до сих пор с трудом укладывается у меня в мозг. А мой мозг, между прочим, хотя и страдает некоторой дискретной оригинальностью, все же вмещает достаточно серьезный объем информации, состоящей из знаний, которые в нем были уже изначально, в момент моего пришествия, и тех, которые я набрал за время странствий.

Какой-нибудь излишне эрудированный скептик, наверняка, уже не раз поморщился бы, слушая мои рассуждения. «Как это так, – спросил бы он меня, – ты пришел в этот мир ниоткуда? Может быть, ты просто стукнулся головой и потому ничего и не помнишь? На самом же деле ты никакой не оригинал, а самый обычный человек, родившийся всем известным способом от папы и мамы. Что скажешь?» Не хочу даже реагировать на подобные провокации. Может быть, я и не писатель и не умею строго выдерживать сюжетную линию, но мне есть, что вам сказать, и могу посоветовать лишь набраться терпения и выслушать всю мою длинную историю от начала и до конца. Вот тогда-то мы и сделаем окончательные выводы о том, кто из нас стукнулся головой, а кто ей немного поработал и пришел к определенным весьма и весьма любопытным выводам относительно природы человека, конструкции мироздания и прочих существенных вопросов, затрагивающих фундаментальные основы бытия.

Я странник еще и потому, что живу как будто в потоке, не в потоке дел или даже времени, а просто в потоке. Я совершенно отчетливо чувствую, что куда-то несусь с огромной скоростью по бескрайнему океану, то поднимаясь на гребень волны, то соскальзывая с него вниз. Неожиданно подумал вот о чем – я, конечно, не физик и не математик, и все же?! – что будет, если разделить бесконечное расстояние на скорость, скажем, ту же скорость света? Уж не получится ли у нас бесконечное время или, по-другому, вечность? Люди никогда не оставляли попыток прикоснуться к вечности, разве не так? Попробуем и мы совершить экскурс в нечто до сих пор запредельное и потому малопонятное и, как кажется некоторыми, достаточно неплохо уже изученное.

Поток – это движение, движение сложное, которое, хотя вероятнее всего, и описывается каким-то одним законом, но в котором взаимодействует так много факторов, что выводить и уточнять этот закон придется еще, наверное, до скончания лет. А лета эти, или годы, когда-нибудь, как бы прискорбно это ни звучало, обязательно кончатся, чтобы дать начало тому, что еще неизвестно, но обязательно произойдет через определенный промежуток времени, если не здесь, то где-нибудь еще, хотя бы и в параллельном мире, расположенном, может быть, за соседним столиком. Что это за факторы? Это и рельеф дна, и крутизна склона, и плотность самого потока и прочее, и прочее. На самом деле не один я, но и все вы летите навстречу своей неизбежной судьбе под пристальным оком космического наблюдателя. И в зависимости от его настроения и просто от самого факта наблюдения, ваша жизнь, согласно некоторым теориям, может перемениться кардинальным образом, если не сказать, потечь по другому руслу.

Я знаю это все не понаслышке, я прошел этот путь сам, своими ногами, от начала и до... следующего конца, ибо у настоящего пути «до», это уже по-японски, конца как такового нет, и не может быть по определению, как не может быть предела самосовершенствования у каждого индивида и общности в целом. Все мы, по большому счету, странники, что вселяет в меня уверенность в том, что мой опыт будет полезен для вас, как был для меня полезен опыт всех тех, кто встретился мне за время странствий по дорогам абсурда и человеческой

ограниченности. Боже, как же мы все-таки мало знаем друг о друге, не говоря уже о самих себе, а тем более устройстве мироздания, вопросу, к которому мы неизбежно придем на страницах этого повествования: уж лучше мы придем к нему и ответам на него сейчас, чем потом, когда...

Но не будем забегать вперед. Я уже говорил вам о дискретности моего образа мыслей и жизни. В нем известная плавность достигается прерывистостью фрагментов, следующих один за другим с огромной скоростью, подобно тому, как действие происходит в рисованном мультфильме. Иногда картинки стираются или выпадают из моей памяти на какой-то срок, так что не взыщите: в ходе повествования мы будем возвращаться к некоторым из важнейших элементов ткани прошлого, чтобы достоверно выткать настоящее и хотя бы на один стяжок приблизиться к непонятному будущему. Что делать с картинками, которые теряются в ходе моего повествования? По мере возможности я буду стараться подобрать их и взглянуть на затерявшийся сгусток вечности с высоты пройденного. Если же выпавший фрагмент не будет нести особой смысловой нагрузки, то не будем тратить время и продолжим двигаться вперед: ведь, чем медленнее мы будем идти, тем дальше унесутся от нас разбегающиеся галактики, а значит, и понять все это многообразие с каждым мгновением будет все сложнее и сложнее. Так что не будем терять ни секунды.

Свой первый шаг по абсолютно белому океаническому песку я помню до малейших подробностей. Он доставил мне несказанное удовольствие. Теперь, конечно, я знаю, что в постоянной гонке за средствами существования люди по обыкновению лишь изредка, в период так называемого «отпуска», могут выбраться на море и в полной мере насладиться его безграничностью, свежестью и таинственной глубиной. И хотя в то самое мгновение я не задумывался об этом, как, впрочем, и о многом другом, что впоследствии несколько сгустило краски на моем изначально безоблачном холсте жизни, тем не менее, этот мой первый шаг вызвал в моей душе бурю эмоций. «Боже мой, как же здесь красиво! – подумал я. – Может быть, это рай, пресловутый сад Эдем, в который меня занесло каким-то волшебным образом?» Сидевший на соседней пальме попугай вдруг прокричал во все свое охрипшее за сто лет попугайское горло: «Бьенвенидос а Панама! Панама! Панама-мама!», из чего я сделал логичный вывод, что нахожусь не в Эдеме, а в Панаме, что, наверное, обозначает название этой местности. Это теперь звучит довольно смешно, что страну, через территорию которой проходит знаменитый Панамский канал, соединяющий два океана, Тихий и Атлантический, я знать не знал и слыхом не слыхивал, как, впрочем, и обо всех остальных странах мира тоже. Но мы сейчас говорим лишь о первом моем шаге и только о нем. Конечно, с каждым новым вздохом, ударом сердца, поворотом головы я пробуждался ото сна и в моем мозгу все интенсивнее происходили процессы загрузки памяти и чего-то еще, чему в тот момент у меня не было еще названия. Набежавшая волна окутала мои ноги приятной заряжающей свежестью. Я приветливо улыбнулся попугаю и бойко зашагал по пустынному пляжу в поисках еды, тепла и затерянного на горизонте смысла жизни, до понимания которого оставалось еще очень и очень далеко.

Так я шел и шел, подгоняемый ветром, напевая неизвестно откуда возникшую вдруг мелодию. Может быть, мое громкоголосое пение, может, что-то еще привлекли внимание лежащих по правую от меня руку труднопроходимых джунглей, которые зашевелились и ответным шумом от неидентифицированного источника некоторое время сопровождали меня. «Странные джунгли, – подумал я и тут же зашелся хохотом от этой абсурднейшей из абсурдных мыслей. – Уж кто бы это договорил, но только не странник! Странные джунгли! Ха-ха! Очень смешно! Оригинально!»

Кстати, я совсем забыл рассказать вам о второй немаловажной составляющей моего находящегося в состоянии вечного поиска «эго», хотя, подозреваю, что некоторые из вас уже кое о чем догадались. В общем, как бы это сказать помягче, чтобы не отпугнуть слишком уж ранимые и впечатлительные души, которые наверняка есть среди моих читателей?.. Скажем так: я сам немного странный. Нет, не подумайте, конечно, я не того!.. Странности мои несколько

инога рода. Попробую систематизировать некоторые из них. Мне нечего скрывать, к тому же, это даст вам лучшую возможность взглянуть на произошедшие моими глазами, а значит, увидеть нечто, что обычному человеку увидеть либо невозможно вообще, либо крайне затруднительно. Итак, то, что вы уже знаете: я нахожусь в постоянном движении, потоке и чувствую, как сквозь меня проходит что-то особенное и с огромной скоростью уносится вперед. Оно не имеет ни цвета, ни запаха, ни вкуса. Оно невидимо, да и слышать его невозможно ни при каких обстоятельствах. Как же ощущаю его я? Ответ на данном этапе таков: я ощущаю этот поток шестым чувством, подобно тому, как парус ощущает ветер, заставляющий двигаться вперед шхуну. Вам ведь не придет в голову спрашивать парус, как это у него получается? Так что, не спрашивайте пока и у меня: всему свое время, поверьте мне.

Вторая уже известная вам моя странность – это дискретность моего образа мыслей и действий. Хотя, если разобраться, на самом деле эта кажущаяся странность, даже и не странность вовсе, а самая что ни на есть норма. Как-нибудь, когда у вас будет свободное время, понимаю, что с этим сложно – и все же, проследите за собой. Прodelайте пару-тройку простых экспериментов и вы заметите, что ваше поведение, по сути, также дискретно, то есть состоит из отдельных фрагментов, на которые его можно разложить. Все дело в том, что в обыденной жизни мы настолько привыкли к мысли о том, что плавно движемся в трехмерном пространстве, что остальное вольно или невольно остается у нас за кадром. Но если это что-то осталось за кадром, это вовсе не означает, что его нет. Скажу больше: в кадр, как правило, помещается лишь малая толика того, что есть на самом деле. Кадр, он на то и кадр, чтобы быть ограниченным. Поэтому знайте: на самом деле окружающий нас мир не совсем такой, а точнее, совсем не такой, каким кажется на первый взгляд. Собственно, в этом состоит еще одна моя специфическая черта или странность, как вам будет угодно: порой мне открывается мир если не во всем его многообразии, то, по крайней мере, с таких неожиданных ракурсов, с которых на него вряд ли кто-то имел возможность взглянуть ранее. Но даже если и имел, даю голову на отсечение, таких людей едва ли было очень много!

Что вы говорите? Вы провели эксперимент и не нашли доказательства дискретности вашего бытия? Как же так?! Ай-яй-яй! Непорядок! Вы двигали пальцами руки и не замечали никакой дискретности? Удивительно. Я также сейчас двигаю пальцами обеих рук, стучащих по клавиатуре, и каждое такое дискретное «мгновение вечности» застывает на экране в виде той или иной буквы или знака пунктуации. Посмотрите внимательнее на этот текст, разве это не застывшее на бумаге прошлое? Кстати, о прошлом. Уж если и зашла о нем речь, то разрешите вам выдвинуть следующий тезис: все мы в какой-то степени живем в прошлом. Настоящее – лишь тот самый дискретный миг, который служит для фиксации прошлого и возможности осмысления будущего. Оглянитесь по сторонам! Раскройте глаза! Вокруг нас – одно лишь прошлое! Настоящего нет! Нет, нет и еще раз нет! Не говорите мне, что я безумец. Странник – да, но не безумец – нет! Смотрите, смотрите внимательнее. Вы только что сварили суп, а он уже остыл. Вы только что чихнули, а в ушах уже звучит чье-то подбадривающее: «Будьте здоровы!» Вы увидели в небе падающую звезду и решили загадать желание, но... фьють!.. звезды на небе уже нет, и ваше желание, возможно, успел загадать кто-то другой. Вокруг нас одно прошлое, только прошлое и ничего больше. Разовьем дальше эту мысль: раз мы можем заглянуть в недавнее прошлое, значит, с большой степенью вероятности, когда-то мы сможем заглянуть и вглубь веков, в такие дебри, в которых заблудиться намного проще, чем в самом дремучем лесу. Все это я говорю лишь для того, чтобы еще и еще раз дать вам понять, что я смотрю на мир не совсем привычным образом. Надеюсь, что эта точка зрения в конечном счете окажется не только увлекательной сама по себе, но и плодотворной, в том числе и с научных позиций, что позволит в перспективе по-новому взглянуть на происходящее вокруг нас и использовать достигнутые знания на благо всего человечества. Впрочем, даже если я своим трудом и наблюдениями помогу всего нескольким людям, это все равно будет означать, что цель достигнута,

ибо главная для меня цель – это гармония и любовь, которая должна воцариться в людских сердцах.

Немного высокопарно? Возможно. Не буду отрицать, ведь я же Странник и странности – моя отличительная черта и моя стихия. Да и вообще, разве мало странностей в жизни? Например, рано утром вы едете на машине по абсолютно пустынной дороге. Перед вами деревня. В деревне перекресток. Все спят глубоким сном. Еще не прокричали даже первые петухи. Вы жмете на педаль акселератора, и вдруг какое-то шестое чувство, практически голос с небес говорит вам: «Осторожно, тормози!» Повинуясь этому непонятному чувству, вопреки всякой логике вы резко жмете на педаль, машина тормозит перед самым перекрестком – и вдруг, откуда ни возьмись, прямо перед вами на огромной скорости проносится неизвестно откуда взявшийся грузовик. Еще мгновение – и он, врезавшись вам в бок, разнес бы ваш автомобиль к чертовой матери. Но этого не произошло. Странно? По-моему, да.

Хотите еще примерчики? Пожалуйста! У одной дамы был день рождения, на который было приглашено множество гостей. Даме исполнялось не так мало лет, как хотелось бы ей самой, но и не так много, чтобы не вызывать восхищение у мужчин и характерную ревность у женщин. Вы хотите знать, как звали эту даму? Это не так важно, но ради вас, так и быть, назовем ее мечтательным именем Эсмеральда. Так вот, удивительно не то, что мы назвали Эсмеральду Эсмеральдой, что в переводе с латыни, кстати, означает «изумруд», а то, что из подаренных ей букетов в два раза быстрее завяли те, что были преподнесены нашей героине именно женщинами. Странно? Очень может быть! А может, в этом, напротив, есть какая-то закономерность?

Один человек ни разу не катался на горных лыжах. Но однажды друзья уговорили его и пригласили с собой в Альпы. В первый же день он взял напрокат лыжи и, вопреки увещеваниями знакомых, настоятельно рекомендовавших ему взять инструктора, самостоятельно и довольно ловко заскользил вниз, закладывая виражи. Солнце сияло все ярче. Скорость становилась все больше. Восторг и упоение достигли апогея. Неожиданно за очередным поворотом лыжник увидел летящую прямо на него пропасть и, попытавшись выправить ситуацию, резко свернул в сторону леса. Первое дерево, с которым он встретился, развернуло его на сто восемьдесят градусов, а второе добило окончательно, сломав бедолаге шею. Странно? В какой-то степени. Оглянитесь вокруг, и вы увидите, что даже в повседневной жизни можно заметить множество различных странностей. Не давайте им полностью овладеть вами, но и не исключайте их, ибо это и есть жизнь – способ существования белковых тел в условиях парадоксов и повсеместной нестабильности.

Многоякостно ли мое мышление и поведение соответственно? Не думаю. Скорее, я сторонник того, что многое, если не все, предопределено. Ого! Похоже, я заговорил о будущем? Ну, ничего, это лишь одно из немногих проявлений моего вышеупомянутого дискретного образа мыслей. Кстати, вот вам еще один постулат для размышления: раз мы живем в окружении прошлого, а настоящее лишь миг, то будущее не так непредсказуемо, как может показаться на первый взгляд. Более того, в каких-то аспектах будущее может быть достаточно точно предсказано любым человеком, не обладающим какими бы то ни было выдающимися способностями. Скажем, то, что сегодня вечером на небе вновь появится луна, можно утверждать практически со стопроцентной вероятностью. То, что я сейчас напечатаю следующее слово на этой странице, и этим словом будет «любовь» – опаньки, уже сделано! – также едва ли подлежит какому-либо сомнению. Когда же мы подойдем ближе к концу данного повествования вы, я надеюсь, так же, как и я, будете не только уметь при необходимости частично приоткрывать будущее, но и подходить к этому делу совершенно осознанно. Если долго двигаться вперед, дорога когда-нибудь закончится, весь вопрос в том, в каком направлении лежит эта дорога?

Итак, я сделал очередной шаг, и странные джунгли разверзлись передо мной. Из них, словно из рейсового автобуса, на пляж выскочила толпа народа и тут же окружила меня. В этих людях нетрудно было угадать индейцев одного из местных племен: все они были небольшого роста, с характерными выпуклыми чертами лица и отличным загаром, которому позавидовал бы любой турист, пусть даже прибывший сюда из соседней Коста-Рики. Самый пожилой и пестро одетый из них, по-видимому, вождь племени, указал вниз моего живота своей костлявой рукой и выдавил из себя что-то горловое. Окружавшие меня индейцы буквально взорвались от хохота, и только тут я сообразил, что стою полностью обнаженный перед этой толпой, в общем-то, не в шубы одетой толпой.

– Нудизм – это хорошо! – снова сказал вождь на ломаном испанском, который я понимал, как и еще несколько иностранных языков, загруженных в меня при появлении на свет.

– Я не нудист, – вот те первые слова, которые слетели с моих уст довольно приятным баритоном, – у меня просто нет никакой одежды.

Индейцы, по-видимому, воспринявшие мои слова как шутку, вновь разразились звонким залихватским смехом. Когда этот очередной порыв веселья угас, вождь, наконец, напустив на себя серьезный, как и подобает вождю, вид, не без интереса задал мне вполне логичный с его точки зрения вопрос:

– Скажи, странник, а где находится твоя лодка?

При упоминании слова «странник» я непроизвольно вздрогнул: что это случайное совпадение или пугающая пронизательность вождя?

– У меня нет никакой лодки, – стараясь не выказывать никаких эмоций, ответил я.

– А как же ты попал на наш остров?

– Не знаю.

Вождь посмотрел на одного из своих соплеменников, потом на меня, потом вновь на одного из самых высокорослых индейцев.

– Отдай ему свою одежду, – неожиданно приказал вождь.

Индейские девушки, окружавшие меня, снова зарделись и заулыбались. Мужчина нехотя снял с себя длиннополое пончо, подпоясанное ремнем, и передал его мне. Под пончо у него также больше ничего из одежды не оставалось.

– Спасибо, – нехотя согласился я, натягивая на себя необычную, хотя и довольно удобную, накидку. – Сидит как родная.

Мой ненавязчивый юмор, видно, пришелся по душе гостеприимным обитателям небольшого панамского острова, и они любезно пригласили меня с ними отобедать. Как я уже говорил, чувство голода настолько сильно терзало меня изнутри, что отказаться я не смог, и вскоре мы дружной веселой толпой двинулись сквозь джунгли по направлению к их небольшой, но, как оказалось, весьма и весьма уютной деревеньке.

Наскоро умывшись из бочки, наполненной дождевой водой, я почувствовал себя намного лучше, ведь, что ни говорите, но я был белым человеком, и даже не столь длительная прогулка под жаркими лучами тропического солнца сделала свое дело, а именно измочалила меня довольно основательно. Хотя, не скрою, я испытал и несколько довольно приятных моментов: шедшая рядом со мной индейская девушка как бы невзначай несколько раз коснулась меня своей рукой, обжигая, пожалуй, не меньше, чем раскаленное докрасна светило. «Приятно, черт возьми», – подумал я, не осознавая еще до конца природу этого неожиданного взаимодействия...

Вождь жестом пригласил меня сесть за стол рядом с ним, что подразумевало его явное ко мне расположение. Я с радостью согласился, особенно, когда заметил в центре стола жареную на вертеле тушу невиданного экзотического животного. Хотя я и был уже довольно прилично одет в чужое пончо и процесс загрузки моей памяти практически подошел к концу, все же некоторые, по-видимому, первобытные инстинкты еще довели над моей интеллигент-

ной натурой. В данном случае это выразилось в том, что при виде такого количества еды у меня началось обильное слюноотделение, и руки сами непроизвольно потянулись к лежавшим передо мной ножу и вилке.

– Можно, я попробую это? – едва успел задать я вопрос вежливости.

– Конечно, ответил добродушный вождь. Угощайся! Ты наш гость, пришедший к нам с океана без лодки. Поэтому мы крайне удивлены и рады тебе, странник.

«Опять это странное слово. Почему он называет меня именно так, а не иначе?» – пронеслось у меня в голове.

– Что это за дивное мясо? – с видимым удовольствием пережевывая огромный кусок, поинтересовался я.

– Это тапир, – неожиданно ответил тонкий нежный голос справа от меня.

Я повернул голову и только сейчас заметил, что та самая девушка, которая якобы случайно касалась меня на прогулке рукой, опять находится рядом и подкладывает на мою тарелку разные экзотические кушанья.

– Мучисимас грасьяс, – учтиво поблагодарил ее я.

– Не за что, – ответила она, как вы, наверное, уже догадались, на активированном в моем подсознании и потому не вызывавшем у меня никаких затруднений испанском.

– Как тебя зовут? – поинтересовался я, не без труда записывая в рот кусок экзотического дуриана.

– Санта Бланка де ля Эстрелья Верде Папуа Вух, – ответила длинноволосая красотка. – Я дочь вождя.

При этих словах сидящее за столом практически в полном составе племя одобрительно загалдело:

– Да, дочь вождя. Да здравствует, наш вождь, великий Папуа Вух де Санта Бланка.

На лице старика появилась самодовольная улыбка.

– У вас с вашим отцом очень похожие имена, – заметил я.

– Для краткости можешь называть меня Эстрелья, – улыбнулась девушка. – А, кстати, как твое полное имя?

– Странник. Отныне это и есть мое полное и единственное имя, – незамысловато ответил я.

Дочь вождя подозрительно посмотрела на меня, как будто бы уличив в какой-то не очень-то умело сфабрикованной лжи. Но лжи никакой не было, до этой встречи с индейцами с небольшого панамского острова у меня действительно не было никакого имени, никакой фамилии и никакого отчества, да, собственно говоря, и быть не могло!

– Ладно, – сказала она и, встав из-за стола, стрелой улетела куда-то в джунгли.

– Очень красивая и быстрая у вас дочь, – искренне похвалил я это невинное чадо.

Неожиданно сидевшие вокруг меня индейцы словно по команде перестали жевать и выжидательно посмотрели в сторону вождя. «По-видимому, ты сморозил что-то бестактное», – шепнул мне внутренний голос, но убежать не посоветовал. Не найдя ничего лучше, я последовал примеру остальных и также с интересом уставился на старика. Взяв небольшую паузу, в течение которой он, вероятно, раздумывал над тем, зажарить меня живьем или женить на своей дочери, великий Папуа Вух, в конце концов, повел себя как истинный дипломат, бросив лишь следующее:

– Она у меня еще и очень прозорливая.

– Вот как, – искренне заинтересовался я и, кстати, успокоился, заметив, как индейцы, оценив реакцию вождя, вновь спокойно приступили к трапезе, – позвольте полюбопытствовать в чем это выражается?

– Она умеет предсказывать погоду, вызывать духов и управлять судьбами людей.

Если предсказание погоды и вызывание духов не породили во мне сомнений, то в отношении управления судьбами людей, признаюсь, у меня закрались некоторые подозрения. Дабы не сказать еще чего-нибудь лишнего, я предпочел наполнить бокал кокосовым соком и произнес хвалебную речь в честь приютивших меня таких милых и доброжелательных людей. Сейчас я едва ли вспомню ее дословно, но заканчивалась она примерно так:

– Так пусть же все окружающие нас духи воды, ветра, огня и джунглей помогут прожить нам наши жизни в гармонии с природой и друг другом, пусть устами великого вождя Папуа Вуха, давшего мне имя «Странник» и имеющего самую прозорливую дочь на свете, говорит сама мудрость, и пусть ваше доброе племя просуществует на этой земле столько лет, сколько песчинок можно насчитать на пляжах вашего острова. Пусть бури и штормы минуют вас стороной. Пусть ваш мир пребудет в том виде, в котором он был изначально создан, и пусть ничто не нарушает ваш покой и уединение. Я поднимаю, этот бокал за моих новых друзей, за чистое небо над вашими головами, за ваши мечты, надежды и устремления. Будьте счастливы и огромное спасибо вам за ваше гостеприимство.

Выслушав до конца мой спич, индейцы одобрительно загалдели и, опорожнив бокалы, принялись раскуривать трубки. Женщины засуетились, убирая с огромного стола грязную посуду. Наступало время сиесты, то есть всеобщего умиротворения и неспешных мыслей и разговоров.

– Завтра утром мы отвезем тебя на материк, Странник, – сказал вождь. – А сейчас отдыхай, развлекайся, а я пойду немного вздремну, ведь я уже немолод и после сытного обеда меня неминуемо тянет ко сну.

– Приятных сновидений, вождь, – улыбнулся я. – И еще раз – огромное спасибо за приют.

Старик добродушно потрепал меня за плечо и скрылся в своем доме, построенном, как и все остальные, на деревянных сваях на высоте примерно трех-четырёх метров от земли. Тогда я еще не подозревал, что такая конструкция совершенно необходима в здешних местах по двум причинам: во-первых, она позволяла спастись от диких зверей и, во-вторых, относительно комфортно чувствовать себя во время жутких тропических ливней, во время которых, кажется, что небеса действительно разверзаются и вода льется будто бы из ведра.

С переполненным животом я еле добрал до ближайшей секвойи и удобно уселся, уперевшись спиной в могучий ствол. Я закрыл глаза и моментально погрузился в блаженное состояние медитации и воспоминаний, которых у меня было, как вы понимаете, еще не так много. Пение птиц, доносившееся практически отовсюду, дополняло эту и без того умиротворенную картину первозданного счастливого бытия. Я вспоминал каждую мелочь, ловил каждый шорох, пытался распознать окружавшие меня запахи цветов и бодрящего табачного дыма. И, конечно же, я снова и снова переживал те несколько слов и, особенно, прикосновений, которые подарила мне она, эта непосредственная и прозорливая Эстрелья. Эмоции переполняли мою душу. Сердце билось учащенно как никогда. Наверное, в этот момент я впервые почувствовал вкус настоящей жизни.

Внезапно кто-то нежно взял меня за руку. Я открыл глаза и чуть было не захлебнулся от счастья. Это снова была она, дочь вождя. Девушка не зря убежала куда-то в джунгли. Там она нашла какие-то травы и спела мне из них замечательный перстень в виде змеи, положившей голову себе на хвост и символизировавшей, по всей вероятности, всю мудрость мира и всевышнюю любовь. Она надела мне это кольцо на мизинец правой руки и, таинственно улыбаясь, прошептала на ухо:

– Не снимай его до тех пор, пока...

В этот момент раздался страшный удар грома, и освежающий тропический дождь пролился на наши головы со всей своей природной непосредственностью. Мы сидели, взявшись за руки, и слушали рассказ, который выстукивали для нас по стволу секвойи огромные капли.

Мой первый день плавно перешел в фантастический вечер, за которым довольно резко, как только и бывает в тропиках, на землю опустилась непроглядная ночь...

Глава 3. Поводырь.

Счастливым, я шел по Авенида Бальбоа, не без удивления разглядывая величественные небоскребы, которые заполнили столицу Панама-Сити за последние несколько лет. По правую руку от меня шумел Тихий океан, на волнах которого мирно покачивались выстроившиеся друг за другом гигантские корабли, ожидавшие очереди, чтобы пройти через канал. Чуть дальше виднелись три искусственных соединенных между собой острова, материалом для строительства которых стала земля, извлеченная при рытье канала. Ярко светило солнце, лучи которого отражались от натертых до блеска искусными мойщиками-верхолазами стекол небоскребов. Стаи пеликанов сновали туда-сюда на бреющем полете, словно самолеты охраняющие неприступность воздушных границ этого необычного во всех отношениях города. Звуки автомобильных клаксонов вперемешку с мелодичной испанской речью, подгоняемой легким бризом, гармонично дополняли эту и без того весьма колоритную сюрреалистическую картину. По сравнению со спокойным индейским островом, в джунглях которого я провел свой первый незабываемый день, столица этой небольшой латиноамериканской страны показалась мне поистине чем-то экстраординарным. Теперь, конечно, я знаю, что благодаря доходам от канала, оффшорной зоне в городе Колон и высокоразвитой банковской системе, эта, пожалуй, одна из самых космополитичных столиц мира, является весьма и весьма процветающим местом на планете. Но это сейчас, а тогда, в мой второй день пребывания на этом свете, одетый в индейское пончо и улыбающийся всем и вся, что зачастую выглядело довольно странно, я знал только то, что знал, а именно ничего, кроме того, что нахожусь в потоке, который сам, вероятно, принесет меня к нужным берегам.

Мысли мои в тот момент были столь же чисты и прозрачны, как тихоокеанский воздух. Мне вспоминался вождь, его добрая и ласковая дочь, весь непосредственный приютивший меня индейский люд, вкуснейший тапир, приготовленный на вертеле, и божественная тропическая ночь, в течение которой я практически не спал, а сидел, высоко задрав голову, пытаясь сосчитать количество звезд на небе, одновременно анализируя, как плавно и гармонично входили в меня в течение дня имеющиеся теперь в моей голове знания. Внезапно – хотя чего тут внезапного! – передо мной появился парк с аттракционами, лавочками и огромным количеством зелени и тропических цветов, что было очень кстати среди этого бетонно-асфальтового конструктивизма. Нет, я не устал, я знал, что путь мой долог и был к нему подготовлен как морально, так и физически. И все же, для того чтобы двигаться вперед, мне нужно было отдохновение, минутный покой и хотя бы стакан воды, потому что... потому что мне просто ужасно хотелось пить. Шумная стайка детей дошкольного возраста пронеслась мимо меня по направлению к небольшому уютно расположенному под навесами от солнца кафе. Вдохновленный этим простым человеческим действием, я последовал за ними и встал в очередь. Стоявшие передо мной люди не без опаски осмотрели меня с ног до головы и на всякий случай отошли в сторону. Возможно, я несколько вычурно смотрелся в расшитом малопонятными символами пончо и все же...

– Можно мне стакан воды? – широко улыбнувшись, попросил я молодого чернокожего продавца.

– Вам какой именно: кока-кола, спрайт, минеральная?

– Просто воды, – удивился я, такому необычному, на мой взгляд, встречному вопросу.

Продавец открыл бутылку «просто воды», налил ее в стакан со льдом и поставил на прилавок.

– С вас доллар пятьдесят, – сказал он.

– Но у меня нет денег, – честно признался я и для убедительности похлопал себя по отсутствующим на пончо карманам.

– Понятно, – ответил парень и покрутил головой в поисках ближайшего полицейского.

– Его здесь нет, – откуда-то догадавшись о том, кого он ищет, уверенно произнес я. – Вы, извините, но мне просто очень хочется пить, и я не знал, что за это нужно давать деньги.

Продавец смерил меня понимающим взглядом и, покрутив указательным пальцем у виска, ответил:

– Ладно, это за счет заведения, индеец, но в следующий раз этот номер у тебя не пройдет!

– Спасибо, – поблагодарил я продавца и сел за ближайший столик.

«Похоже, продавец не шутил, – думал я, – по всей вероятности, здесь за все надо платить деньги. Но где их брать? Странно, у индейцев такой проблемы вообще не возникало. Ладно, кривая вывезет». Вода со льдом благоприятно подействовала на меня и придала сил. Я не без удовольствия смотрел на резвящихся на аттракционах детей и сам ощущал себя таким же непосредственными и наивным ребенком. «Как было бы хорошо, если бы детство никогда не кончалось», – неожиданно забрела ко мне в голову очередная неизвестно откуда взявшаяся мысль. Почему она забрела именно ко мне, человеку, у которого никогда не было никакого детства, – непонятно! Ну, раз уж забрела, значит, так нужно. И я неспешно с толком, чувством и расстановкой додумал эту мысль до конца. Между тем, к моим ногам подкатился футбольный мяч, запущенный кем-то из ребят, и я не без удовольствия поднялся и весьма технично отдал пас подбежавшему ближе всего ко мне мальчонке.

Игры играми, но время текло, и нужно было позаботиться о еде и ночлеге. Я прошелся еще немного и решил заглянуть в одну из встретившихся мне по дороге гостиниц.

– Я могу снять у вас номер? – поинтересовался я у приветливого на первый взгляд администратора.

– Конечно, сеньор, – любезно ответил он, – для этого мне необходим ваш паспорт.

– Паспорт, – недоуменно пожал я плечами, – а это еще что такое?

Моментально улыбка исчезла с лица моего визави.

– Паспорт – это документ, удостоверяющий вашу личность, – терпеливо попытался объяснить он.

– Удостоверяющий мою личность? – еще больше удивился я. – Разве мою личность надо удостоверить?

– Конечно.

– А зачем? – задал я очередной, как мне казалось, вполне естественный вопрос.

Однако терпение администратора, похоже, подходило к концу:

– Извините, без паспорта мы не можем предоставить вам номер, – резюмировал он и добавил: – Следующий, пожалуйста!

Потупив взор, я медленно вышел из гостиницы и побрел дальше, размышляя над абсурдностью человеческого существования: «Чтобы сказать, что я – это я, надо предъявить документ, а, чтобы попить воды, надо дать продавцу деньги, которые, в свою очередь, непонятно откуда брать. Да, мне многому еще предстоит научиться и, по-видимому, далеко не все знания, как мне казалось раньше, были загружены в мой вместительный мозг».

Вечер моего второго дня пребывания прошел далеко не так сладко, как первый, не говоря уже о ночи, которую мне пришлось скоротать на лавочке, расположенной на берегу Панамского канала у моста «Лас Америкас», соединяющего Северную Америку с Южной. Сперва мне удалось затмить вновь начавшее доносить меня чувство голода, разглядывая проходящие через канал величественные корабли, подсвеченные точно в сказке многочисленными огоньками. Я был поистине поражен величию человеческой мысли, создавшей это феноменальное по масштабам исполнения сооружение, расположенное к тому же в самом центре мира между двумя огромными континентами. До рассвета я занимался тем, что считал количество палуб на пас-

сажирских лайнерах, пытался на глаз определить протяженность проходивших мимо танкеров и барж, слушал плеск волн и, возможно, впервые задумался о бренности бытия и о том, как это может соотноситься с вечностью? Однако к утру накопившаяся усталость сделала свое дело, и мне пришлось улечься на жесткую поверхность скамейки и в постоянном ерзанье и переворачиваниях с боку на бок провести остаток этой неоднозначной ночи.

Примерно в семь утра меня ласково потрепал за плечо полицейский и приказал убраться куда-нибудь подальше, но куда именно не уточнил. Нехотя я поднялся и направился к океану, чтобы в его водах остудить беспокойную душу и хоть частично смыть усталость с украшенного отпечатками скамейки тела. Вид в этот момент был у меня довольно жалкий. Неслучайно, по-видимому, проезжавший мимо меня на кабриолете молодой длинноволосый парень презрительно сплюнул в мою сторону и демонстративно резко нажал на педаль газа. Ярко желтый автомобиль понесся как угорелый.

– Не спеши, а то успеешь, – только и успел пробурчать я, как вдруг услышал страшный хлопок: это не заметивший красного сигнала светофора кабриолет на огромной скорости протаранил мусороуборочную машину.

Первым моим порывом было желание броситься на помощь невезучему и невоспитанному водителю, но, заметив, что, чертыхаясь и нервно тарашась в мою сторону, он самостоятельно, хоть и не без труда, выбрался из авто, я повернулся и, показав ему свою стройную спину, медленно побрел по направлению к пляжу. Справедливости ради надо сказать, что в окрестностях города мне так и не удалось отыскать чего-то стоящего и пришлось купаться на мелководье с каменистым дном в окружении стаи пеликанов, которые, нисколько не смущаясь моим присутствием, завтракали, наслаждаясь только что выловленной рыбой.

Мне тоже страшно хотелось есть, но интуиция, еще одно мое отличительное качество, со всей определенностью подсказывала мне, что не хлебом единым и не рыбой жив человек, и что вскоре меня ждет нечто большее, что, возможно, даст мне гораздо более нужную и важную пищу – пищу для ума. Ведомый этими подсказками я снова оказался на Авенида Бальбоа, на которой оказываешься всякий раз, как только попадаешь в Панама-Сити. К этому времени город проснулся и забурился своей суетой. Яркие солнечные зайчики, отражавшиеся от натертых до блеска автомобилей, скакали не только по лужайкам, но и стенам соседних небоскребов, что придавало всему этому великолепию еще более фантастический вид. Я шел и глазел по сторонам, не переставая удивляться тому, как люди могли все это построить: все – от канала до искусственных островов и делового центра столицы, так называемых «каменных джунглей Панамы»?

Неожиданно – опять-таки почему неожиданно? Может, напротив очень даже закономерно? – мой взгляд упал на импозантного седоволосого мужчину примерно лет пятидесяти, склонившегося над шахматной доской в напряженном раздумии. По-видимому, шахматные программы были загружены в меня при появлении на этот свет в большом количестве. Как бы то ни было, игра заинтересовала меня, и я решил подойти поближе. Быстро оценив ситуацию, я понял, что у белых, которыми играл седоволосый игрок, есть небольшое позиционное преимущество, которое необходимо было реализовать. Вместе с тем, у черных, разыгравших надежную сицилианскую защиту, положение было отнюдь не критическим, и при умелых действиях они в перспективе могли рассчитывать на неплохую контригру на ферзевом фланге.

– Да, тут вам, видимо, придется попотеть, – сказал я, обращаясь к седоволосому.

Молчание было мне ответом. В течение еще примерно пяти минут игрок тщательно обдумывал свои последующие действия, после чего, как это ни удивительно, сделал ход, который сделал бы и я, если бы сидел за доской. Как говорил великий Хосе Рауль Капабланка: «Когда другие анализируют позицию, чтобы лучше ее понять, я уже в целом вижу, как будет развиваться партия». Надеюсь, это хотя бы частично относится и ко мне. Однако то, что произошло сразу вслед за этим, несколько поколебало мою самоуверенность. Станный игрок неожиданно

поднялся с места и пересел на противоположную сторону, погрузившись в не менее серьезные размышления, чем мгновение назад.

– Вы что же это, пытаетесь обыграть самого себя? – невольно вырвалось у меня.

Молчание, возведенное во вторую степень, повисло в воздухе, отчего атмосфера стала постепенно разогреваться. Не то, чтобы я напрочь был лишен этикета – нет, по-видимому, хорошие манеры каким-то чудесным образом уживались во мне с чувством непосредственности. Я подошел ближе к игроку и сел напротив. Теперь у белых фигур появился новый хозяин, вождь, человек, который только два дня тому назад пришел в этот мир со своими знаниями, своими недостатками и своей миссией. Не знаю, обрадовались ли этому белые, но черные, управляемые длинноволосым предводителем, словно сорвались с цепи и уже следующим ходом устремились в решительное контрнаступление. Так как я предугадал такую возможность, то, не думая ни секунды, протянул руку и сделал, в сущности, само собой разумеющийся в данной ситуации ход. К моему удивлению, невозмутимый, как казалось, игрок поднял на меня настороженный взгляд. Я думал, что озадачил его быстротой реакции, но дело оказалось в другом.

– Откуда у тебя это кольцо? – неожиданно спросил он, осветив меня взглядом ясных голубых глаз.

Я посмотрел на безымянный палец правой руки и обнаружил, что сплетенное мне очаровательной Эстрельей украшение, несмотря на то, что я несколько раз окунал его в воду и даже купался в нем, сохранило свою привлекательность и, по всей видимости, некий сакральный смысл.

– Мне подарила его дочь вождя одного индейского племени! – гордо ответил я. – А в чем, собственно, дело?

Добродушная улыбка заиграла на губах моего необычного визави, обнажив на редкость белые и красивые зубы.

– Все ясно, все ясно, – сказал он, – теперь ты можешь сделать с ним то, что она тебе посоветовала.

– Да, но она сказала, чтобы я не снимал его до тех пор, пока... – Неожиданное озарение пронзило меня словно молния. – То есть вы хотите сказать, что...

– Что «до тех пор, пока» для тебя уже наступило.

– Когда я встретился с вами и сел напротив?

– Да, и, кстати, довольно бесцеремонным образом.

– Простите, но это получилось как-то само собой. Значит, вы и есть тот человек, который... о котором меня и предупреждала Эстрелья?

– Зови меня Поводырь.

– Поводырь? – изумился было я, но, вспомнив о том, что наступает моя очередь, спрятал поглубже нахлынувшие на меня эмоции и представился: – Очень приятно. Странник.

Мое имя явно пришлось по вкусу моему новому знакомому.

– Странник – это хорошо, – одобрительно покачал он головой. – Это имя в наиболее общем виде и отражает сущность настоящей творческой и постоянно ищущей природы. Мне кажется, ты именно такой и есть?

– Не знаю, – честно признался я, – хотя и надеюсь на это в глубине души. Но ведь теперь мне нечего беспокоиться, правда? Ведь у меня есть Поводырь!

– Посмотрим, какой из тебя выйдет толк, – уклончиво ответил мой новый загадочный знакомый и добавил: – Отдай мне это кольцо, я сохраню его на память.

Я послушно выполнил его просьбу. Когда же мое сокровище скрылось в кармане его белых брюк, он пристально посмотрел мне в глаза и спросил:

– Доиграем?

– Конечно, – не без огонька ответил я и, подумав какое-то время, сделал ход конем, причем, в буквальном смысле этого слова.

– Интересно, – покачал головой Поводырь и, в свою очередь, погрузился в размышления над очередным ходом.

В этот момент у меня появилась возможность получше разглядеть его. Это был высокий и стройный мужчина с благородным лицом. Собственно, если бы не несколько глубоких морщин, пробороздивших его широкий лоб, и не седые волосы ему вполне можно было бы дать лет на двадцать меньше. Легкий панамский загар неплохо гармонировал с белыми рубашкой и брюками, которые он носил. Его ботинки со слегка заостренными носами были, вероятно, модны, но, главное, легки и практичны. Часов Поводырь не носил, а единственным его украшением была золотая цепочка на шее с весьма оригинальным «индейским», как мне показалось, плетением. Когда он делал очередной ход, я также обратил внимание на его широкие и жилистые запястья, что наводило на мысль о его хороших физических кондициях, да и просто о силе, сосредоточенной в этих руках. Но самым главным в его благородном и импозантном облике были, конечно, чистые как панамское небо голубые глаза. Никогда ни «до», что, может быть, и естественно, учитывая особенности моего появления на земле, но и не «после» мне не приходилось видеть столь ясного и целеустремленного взгляда. В нем было все – и мудрость, и любовь, и умиротворение, и надежда...

– А ты не так прост, Странник, как может показаться на первый взгляд, – делая очередной ход, заметил мой старший товарищ. – Где ты учился играть в шахматы?

– Нигде, – простодушно ответил я, просчитывая одновременно изящную комбинацию, связанную с жертвой легкой фигуры и приводящей, кажется, к форсированному выигрышу. – Я вообще новичок в этом грешном мире.

Мой визави наморщил и без того морщинистый лоб:

– Что-то я не совсем понимаю тебя, мой юный друг. Изъясняйся яснее!

– Ладно, пожалуй, вот так. Шах! – выстрелил я слоном по пешке на Н7. – Дело в том, Поводырь, что я пришел в этот мир лишь пару дней назад.

– Не понял, – тщательно размышляя над тем, принимать или не принимать предложенную жертву фигуры, почесал затылок мой соперник. – Так, если я беру... Ты сказал, что пришел в этот мир лишь пару дней назад, я не ослышался? – на всякий случай уточнил он.

– Да, все именно так и есть, – ответил я.

– А где же ты был до этого – позволь полюбопытствовать?

– Не знаю, Поводырь. Собственно, если бы вы помогли мне в этом разобраться, я был бы вам крайне признателен.

– Я долго ждал тебя, Странник. Знаки подсказывали мне, что рано или поздно я встречу человека, с которым смогу поделиться некоторыми своими умениями и секретами, но то, что ты не помнишь своего прошлого, это для меня, признаюсь, большая неожиданность, как, впрочем, и эта твоя смелая жертва. По-моему, делать нечего. Ладно, придется брать твоего слона.

И он сыграл: король бьет на Н7. Это была ошибка. Я тут же ответил: конь на G5+! Шах! Он отступил королем на G8.

– Мне кажется, ты слегка погорячился, – заметил он.

Но в загашнике у меня был припрятан следующий ход, который в шахматных учебниках обычно сопровождают несколькими восклицательными знаками.

– Оригинально, – сказал Поводырь. – Да, пожалуй, здесь уже ничего не попишешь. Признаться, я не до конца просчитал задуманную тобой комбинацию. Попробую-ка еще вот так!

Мой ответ не заставил себя долго ждать.

– Ладно, сдаюсь, – покачав головой, выдохнул Поводырь. – А ты здорово играешь, парень! Откуда у тебя это?

– Когда я впервые открыл глаза и, осмотревшись, увидел, что нахожусь в райском месте, оказавшемся впоследствии индейским островом, я ясно почувствовал, как начался процесс загрузки моей памяти. Примерно, как в компьютере.

– И много в тебя загрузили?

– Несколько иностранных языков: испанский, французский, английский, русский. Несколько игр: шахматы, покер, рулетка. Несколько видов спорта: плавание, айкидо и футбол. Основные науки на базовом уровне: физика, химия, математика, астрономия, история, археология, ну, и ряд других. Кое-какие бытовые навыки, но с этим хуже всего! Короче говоря, я умею только то, что умею и ничего больше. Я не знаю многих, как я подозреваю, элементарных вещей, без которых нормальное существование в принципе невозможно.

– Каких, например?

– Например, я не знаю, что такое деньги и где их взять?

– Счастливый ты человек! – снисходительно улыбнулся Поводырь. – Ладно, помоги мне собрать фигуры и пойдем. Ты, наверное, голоден?

– Ужасно, – честно признался я.

– Тогда не будем терять времени, здесь неподалеку есть очень неплохой ресторанчик, но прежде...

– Что прежде? – насторожился я.

– Тебя необходимо переодеть.

– Вам не нравится моя одежда? – расстроился я. – Мне дали ее индейцы, и...

– Нет, сама по себе она неплохая, – поспешил успокоить меня мой наставник, – просто – как бы это тебе объяснить? – она не совсем подходит для города.

– Тогда другое дело, – успокоился я. – Почему бы и не переодеться?! Мне кажется, я с удовольствием буду носить такие же, как у вас ботинки, брюки, рубашку и... золотую цепочку!

Мы прошли не больше четверти мили и оказались в огромном молле, магазине невероятных размеров, в котором можно было найти практически все. Примерив несколько вещей, я, наконец, остановил свой выбор на джинсах, кроссовках и модной футболке с надписью: «Рапата», радикально желтого цвета. Поводырь оглядел меня с ног до головы и бросил короткое:

– Годится.

Мои старые монетки мой друг настоятельно посоветовал мне оставить здесь же, на что я нехотя согласился. Сразу вслед за этим мы прошли к кассе, где произошло очередное маленькое чудо. Узнав, сколько нужно заплатить за товар, Поводырь, к моему вящему удивлению, вынул из кошелька, не деньги, а небольшую карточку и протянул ее кассиру. Тот, в свою очередь, вставил ее в хитроумное устройство. Спустя несколько секунд из устройства вылез чек.

– Подпишите вот здесь, пожалуйста, – попросил кассир и вернул Поводырю второй экземпляр чека и волшебную карточку. – Спасибо за покупку.

– Это все? – не без доли сомнения спросил я своего благодетеля.

– Да, теперь это твое. Носи на здоровье!

– Благодарю, – ответил я и, решив не заморачиваться по пустякам, уверенно зашагал вслед за Поводырем, уверенно наступая мягкими подошвами на только что тщательно вымытый уборщиком и потому блестящий кафельный пол.

Ресторан, в который он пригласил меня, находился в так называемой «банковской зоне». По дороге я с удивлением рассматривал толпы спешащих куда-то людей, одетых в деловые костюмы. Двери офисов без конца то закрывались, то открывались вновь.

– Куда так торопятся все эти люди? – спросил я своего спутника, шедшего чуть впереди.

– На работу.

– На работу? А зачем?

– Чтобы сделать что-то полезное для себя и для общества и получить за это деньги.

«Ах, вот оно что, – сообразил я. – Деньги дают за работу».

– А за какую работу дают больше всего денег?

– Ты быстро все схватываешь, – обернулся мой провожатый, – ей Богу, из тебя выйдет толк! Больше всего денег дают за сложную квалифицированную работу, которой надо много учиться.

– Поводырь, вы научите меня какому-нибудь ремеслу? – осмелел я.

– Не знаю, разве, лишь тому, которым владею я сам, – загадочно ответил он.

– А что это за ремесло?

– Искусство самоанализа и обобщений.

– А за это хорошо платят?

– Честно говоря, не очень, – признался он. – Но это дает определенные преимущества при организации бизнеса. Когда ты полностью владеешь собой и умеешь правильно выстраивать свои взаимоотношения с людьми, как правило, это приносит свои результаты. По крайней мере, мне это удалось. Помимо всего прочего, я являюсь совладельцем довольно известной здесь судоходной компании, что приносит мне вполне приличный годовой доход. Ну, пожалуй, хватит об этом. Вот мы и пришли.

Расположившись за уютным столиком, мы подозвали официанта и получили из его рук две довольно увесистые книги большого формата.

– Что это? – удивился я.

– Это меню.

– Что такое меню?

– Перечень тех блюд, которые тебе могут здесь приготовить.

– Пусть приготовят все, – нехотя открывая книгу, попросил я.

– Всего здесь очень много, надо выбрать, – спокойно объяснил Поводырь.

Его терпение и успокаивающий низкий голос убедили меня, и я погрузился в увлекательное чтение. После напряженной борьбы противоположностей и обильного слюноотделения я сделал, наконец, свой непростой выбор:

– Мне, пожалуйста, свиные ребра с гарниром, запеченную в кляре рыбу, салат «цезарь», грибной суп, набор сыров, копченые колбаски, пять стаканов мангового сока и мороженое «щербет».

– Это все? – на всякий случай переспросил Поводырь.

– Пока, да.

– Хорошо.

Он жестом подозвал официанта и сделал заказ. Несколько, как мне показалось, озадаченный официант медленно побрел на кухню, на всякий случай проверяя многочисленные записи, только что сделанные им в блокноте.

– Как здесь чудесно и свежо, – разглядывая довольно строгий интерьер ресторана, сказал я. – Эти холодильники так хорошо работают!

– Это не холодильники, а кондиционеры, – в очередной раз, поправил меня терпеливый Поводырь. – Холодильники находятся в подсобных помещениях, и в них хранятся продукты.

– Спасибо за разъяснения. Знаете, многие вещи выглядят для меня в новинку. Предназначение же других, напротив, мне кажется, хорошо известно.

– Каких, например? – заинтересовался мой собеседник.

– Ну, например, вот эта подставка, – жестом указал я на небольшую, лежащую на столе прорезиненную вещицу с изображенным на ней туканом.

– И в чем же ее предназначение?

– Через минуту здесь снова появится официант и поставит на нее стакан с манговым соком, – неожиданно выпалил я.

– Да ты у нас ясновидящий!

– Не знаю, просто я чувствую, что живу в постоянном потоке, потоке дел, событий, всего. А поскольку прошлое мое скрыто в тумане, взор мой совершенно естественным образом обращается к будущему.

– Это не так плохо, – философски заметил Поводырь. – Некоторые считают, что знать будущее невозможно или даже опасно...

– Да, но не я.

– И не я. Думаю, что в отношении к будущему мы с тобой полные единомышленники.

– Правда?

Мой собеседник не успел ответить на этот вопрос, так как перед нами возник все тот же немного ошарашенный нашим заказом официант.

– Сеньоры, позвольте!

На этот раз он принес напитки. Для Поводыря – минеральную воду и, конечно, кое-что для меня. Стоит ли говорить, что он поставил стакан с манговым соком именно туда, куда я и предсказывал, или это сушая мелочь, не стоящая даже выеденного яйца?

Глава 4. Чикита.

Молодая обезьянка-капуцин сидела на ветке и грустно смотрела вдаль. За свои прожитые семь с небольшим лет в одно и то же время, когда солнце стояло в зените и ее соплеменники безмятежно кемарили после плотного завтрака, она забиралась сюда и внимательно следила за тем, что происходило вокруг на озере Гатун, являющемся сердцевиной Панамского канала. Вы будете смеяться, но она ждала своего принца. Да-да, на острове обезьян, на котором она родилась и с которого, понятное дело, деваться было некуда, этого принца не было, да и быть не могло по определению. Здесь, кроме ее сородичей, были только ленивцы, летучие мыши, птицы, змеи, кайманы и куча комаров, которые каждый вечер досаждали так, что обезьянке приходилось ловить многоножек и натираться их соком, как делали старшие, что на какое-то время позволяло отпугнуть ненавистных вездесущих москитов. В том, что принц существует и однажды придет за ней, она нисколько не сомневалась, чем вызывала насмешки со стороны особой женского пола и раздражение со стороны мужского. Наверное, в чем-то она была неправа и в какой-то степени по делу подвергалась обструкции, но чего было у нее не отнять – так это упорства и последовательности. А как хорошо известно, если ты целеустремлен и последователен, пусть даже в твоих заблуждениях, удача рано или поздно будет на твоей стороне.

Справедливости ради, надо отметить и то, что ожидания обезьянки-капуцина были в принципе не так безумны и беспочвенны, как это могло показаться на первый взгляд. Дело в том, что мимо их острова то и дело курсировали огромные корабли, проходящие через Панамский канал. Понятное дело, что гигантский круизный лайнер или тем более сухогруз при всем желании не смог бы приблизиться к небольшому безлюдному островку. Да и зачем ему это? Но наша героиня делала ставку совсем на другое: изредка сумасшедшие туристы приплывали сюда на моторных лодках, чтобы поглазеть на обезьян и покормить их. С точки зрения самих животных, это было нелепо, так как на острове было полно еды, но отказываться от того, что само «приплывало» к тебе в рот, не было никакого смысла. Да и из чисто суеверных соображений никто из капуцинов никогда не отталкивал порой очень даже щедрые подношения. Каждый из них хорошо понимал, что, отказавшись раз, второго можно и не дожидаться. К тому же, непонятно почему, но людей очень забавляло то, как обезьяны поедали принесенные им дары. И самое странное, что, по-видимому, никому из них ни разу не пришло в голову, что вообще-то неприлично смотреть на жующего челове..., точнее, примата!

Этот день, о котором идет речь, выдался каким-то особенным. Непонятная сила, что-то вроде предчувствия, будоражила нашу героиню с самого утра. Эволюционный процесс, как,

впрочем, и все остальные жизненно важные процессы проходили в ее организме наиболее интенсивно. Конечно, частично это можно было объяснить тем, что на завтрак она неожиданно для самой себя съевала примерно раза в три больше листов коки, чем обычно, и оттого чувствовала необычайный прилив сил. Но это лишь частичное объяснение. Главное крылось где-то в глубинах ее капуцинского подсознания. Что-то шептало ей оттуда голосом, полным надежд:

– Сегодня, сегодня появится твой принц. Ты сразу узнаешь его. Он приплывет на лодке с большим мотором. Ваши взгляды пересекутся, и тогда ты должна будешь совершить то, что только ты одна можешь и хочешь совершить. Не бойся последствий. Это твой шанс. Смотри, не упусти его.

Воодушевленная подсказками, обезьянка изо всех сил напрягала и без того довольно острое зрение, но время шло, а предсказанная лодка с большим мотором, все никак не появлялась. «Ничего, ничего, – успокаивала она себя, – наверное, еще очень рано, и мой принц только готовится отправиться в путь. В принципе, обычно люди приезжают кормить нас в разное время, и, может быть...» Однако с каждой секундой ее настроение все ухудшалось и ухудшалось. Вот уже Большая Берта, огромная сорокалетняя многодетная мамаша, зашевелилась на соседнем дереве, пробуждаясь от полуденного сна. «Подремли еще немного, – с тревогой в голосе прохрипела наша героиня, – еще хотя бы пятнадцать минут. Ты ошиблась – еще не пора вставать. Я верю, я верю, что...»

Неожиданно она замолкла, а сердце ее заколотилось в ритме сальсы. Нет, пока она не увидела ничего нового, но уши ее уловили какой-то отдаленный шум, напоминающий шум мощного мотора. Обезьянка привстала на задние лапы, вытянула шею и затаилась в предвкушении чего-то грандиозного. Шум все нарастал. Безусловно, это был шум двигателя приближающейся моторной лодки – теперь в этом не оставалось практически никаких сомнений. Соплеменники-капуцины нехотя стали пробуждаться ото сна и вытягивать удивленные мордочки в сторону приближающегося судна. Наконец, изящный белый катер вынырнул из-за мыса и напрямик пошел на обезумевшую от счастья наблюдательницу. Она издала громкий протяжный крик, что на ее языке означало примерно следующее:

– Вот он, мой принц. Смотрите все. Я дождалась его!

Шокированные приматы не без интереса глядели то в сторону катера, то в сторону своей, как им ранее казалось, совсем выжившей из ума соплеменницы. Получалось, что на самом деле она не такая уж и безумная?! Может быть, это действительно и есть ее принц? Все без исключения особи от мала до велика расселись по веткам точно в зале театра, с интересом наблюдая за развитием действия.

– Это и есть тот самый остров обезьян, – приостанавливая ход, объяснял между тем стоящий за штурвалом высокий седоволосый мужчина, своему молодому и не менее рослому и импозантному спутнику. – Смотри, Странник, как нас тепло встречают.

О том, что роль долгожданного принца в разыгравшейся мизансцене отводилась именно мне, я думаю, догадался бы уже и ребенок. Но все же, несмотря на то, что за те несколько дней, которые я провел с Поводырем, когда он нередко называл меня «ребенком с мозгами профессора», в этот момент я, ни капли, ни о чем не подозревал. И это с моей-то чудовищной интуицией! По-видимому, другие мысли, навеянные мне многочисленными рассказами моего старшего товарища, занимали меня так глубоко, что думать о каких-то там обезьянах-капуцинах я считал делом как минимум несвоевременным.

Поводырь благосклонно разрешил мне поселиться вместе с ним в его пентхаусе, расположенном на сорок пятом этаже знаменитого небоскреба Трампа. Он выделил мне огромную собственную комнату, из которой открывался потрясающий вид на Тихий океан и близлежащие окрестности. Он купил мне недостающую одежду. Научил готовить яичницу с беконом и варить кофе. Он дал мне несколько книг, на которые я набросился с такой яростью, что про-

вел несколько бессонных ночей, после чего какое-то время чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Тогда, обратив внимание на мой изможденный вид, Поводырь решил прокатить меня по панамскому каналу на собственном катере. Кстати, к этому времени мне хотя бы частично, но все же удалось раскрыть истинную причину такой ко мне расположенности со стороны этого неординарного человека. Как-то вечером мы ужинали с ним в ливанском ресторане, и Поводырь неожиданно признался мне, что у него никогда не было детей.

– Точнее, может быть, они и есть где-нибудь, но я об этом не знаю, – грустно покачав головой, сказал он. – Поэтому мне и нужен был такой человек, как ты, Странник, одинокий, порядочный и целеустремленный, которому я мог бы передать все свои знания и опыт. К тому же, у тебя нет прошлого, что еще более мне импонирует, так как над тобой не довлеют ненужные стереотипы, и тебя в принципе можно учить всему, чему угодно.

– Я готов, Поводырь. Мне кажется, что я и пришел сюда для того... – он с интересом посмотрел на меня, – ... чтобы понять, как все устроено?

– Что все?

– Все вот это, – я широким жестом попытался охватить весь огромный и загадочный мир, чем вызвал некоторое недоумение у сидевших неподалеку посетителей.

– Что ж, – спокойно ответил мой наставник, – нет ничего невозможного. Многие, вероятно, посмеялись бы над тобой, но не я. Скажу больше, в свободное время я также нередко размышляю о мироздании и пытаюсь найти ответы на извечные вопросы.

– Может быть, поэтому нас и свела судьба? – спросил я.

– Может быть.

Неожиданно мой взгляд встретился со взглядом одной из сидевших, пожалуй, выше всех, обезьян. Глубина этого взгляда поразила меня.

– Никогда не думал, что у этих животных такие умные глаза, – сказал я.

– Они действительно очень умны, – подтвердил мою догадку Поводырь, – но и непредсказуемы, так что с ними нужно держать ухо в остро.

Не успели его слова слететь с губ, как та самая выделенная мною из общей массы обезьянка неожиданно разбежалась и на глазах изумленной публики что было сил сиганула нам навстречу. Не знаю, кем она себя возомнила, может быть, белкой-летягой, может кем-то еще, но как бы то ни было, ей удалось пролететь не более трети разделяющего нас расстояния, после чего она с гулким звуком плюхнулась в воду и, отчаянно работая всеми конечностями, включая хвост, медленно поплыла в нашу сторону. Получалось это у нее, мягко говоря, совсем не здорово. Если попытаться охарактеризовать ее стиль одним словом, то лучше всего подошло бы слово «враскорячку». Все это выглядело и смешно, и очень грустно одновременно.

– Поводырь, пожалуйста, подплывите к ней поближе, – взмолился я.

– Я уже говорил тебе, что ты можешь обращаться ко мне на «ты», – напомнил он, аккуратно поворачиваясь правым бортом к незадачливой пловчихе. – Спусти ей лестницу.

Я быстро выполнил его приказ. Обрадованная обезьянка заработала конечностями, что было сил, и вот уже ловко схватилась за нижнюю ступеньку. Я нагнулся и, одной рукой придерживаясь за борт, протянул ей другую руку. Улыбка, полная блаженства, заиграла у нее на губах.

– Мой принц, – прошептала она на своем малопонятном мне языке и мертвой хваткой вцепилась мне в руку.

Еще одно небольшое усилие – и я втащил ее на катер. Мокрая от слез и воды она обвила мою шею обеими руками и, не давая опомниться, поцеловала прямо в губы. Большая Берта, как, впрочем, и все остальные сородичи нашей героини, не могли поверить в случившееся и долгое время неподвижно сидели на ветках, раскрыв рты и выгнув хвосты в форме вопросительного знака: «Как ей это удалось? Ведь этого не может быть, потому что не может быть никогда!» Ошалевший от такого поворота событий Поводырь также несколько растерялся, однако

первым пришел в себя и, взяв лежавший неподалеку фотоаппарат, сделал то наше самое первое со спасенной обезьянкой фото.

– Ладно, Чикита, хватит, отпусти меня, – попросил я, слегка отстраняясь от ее назойливых ласк.

– Чикита?! – удивился Поводырь. – А что, между прочим, классное имя. Но я все же надеюсь, что нам не следует его надолго запоминать?

– Это почему же? – тут же прочитал он во встревоженном взгляде только что спасенной горе-пловчихи.

– Почему? – спросил я его чисто по-человечески.

– Мы должны отвезти ее обратно на остров в ее родную среду обитания, разве не так?

При этих словах моего друга Чикита неожиданно задрожала всем своим мокрым телом и разрыдалась мне в плечо точно ребенок, давая тем самым понять, что ни в какую родную среду обитания она возвращаться не хочет.

– Пожалуйста, Поводырь, – взмолился я, – она такая прикольная! Разреши мне взять ее с собой. Я буду за ней ухаживать... – При этих словах рыдания обезьянки заметно поутихли. – Я буду заниматься с ней и, думаю, что она нам не помешает...

«Еще бы, – прошептала про себя Чикита, – не то, что не помешает, она вам, вероятно, еще не раз пригодится. Пожалуйста, Принц и его спутник, не оставляйте меня здесь!»

Поводырь поразмыслил какое-то время и принял решение, о котором он впоследствии по большому счету не жалел, не считая мелких недоразумений, о которых речь пойдет впереди.

– Ладно, добро пожаловать на борт, Чикита, – сказал он. – Но, чтобы все было, как надо! Ты меня поняла? – погрозил он указательным пальцем, сразу давая понять, что особенно церемониться с ней не будет.

Обезьянка разжала свои лапы или руки, не знаю, что там у нее на самом деле, спрыгнула с меня и, глядя на Поводыря, несколько раз утвердительно кивнула головой.

– Так-то лучше, – снисходительно улыбнулся он и добавил: – Ладно, пора ложиться на обратный курс.

Мотор загудел всей своей мощью, катер развернулся на сто восемьдесят градусов и начал быстро удаляться от таинственного острова. Чикита, взглядом спросив у меня разрешения и получив утвердительный ответ, медленно направилась в хвост судна и, усевшись на заднее сиденье, не без грусти наблюдала за тем, как беснуются на превращающемся в маленькую точку клочке земли ее недалекие и, вместе с тем такие, милые соплеменники...

Глава 5. Они приходят из-за угла.

Время в потоке, в котором я плыву навстречу неизвестности, идет плавно. Но иногда оно словно бы ускоряется. События мелькают одно за другим так быстро, что некоторые моментально улетучиваются из моей памяти, а другие остаются смазанными и потому малопривлекательными особенно для постороннего человека. Когда-нибудь я, возможно, возьму эти старые кадры и попытаюсь отретушировать их, используя самые современные методы, и тогда не исключено, что они заговорят по-новому и сумеют приоткрыть то, что живет в каждом из нас в том самом загадочном месте, которое обобщенно называют «подсознанием». Представляете, если бы вам пусть даже на одно мгновение удалось заглянуть туда достаточно глубоко? Сколько всего нового и, главное, неожиданного вы бы узнали?! А если заглянуть в чужое подсознание – о, это вообще мечта всякой коварной личности со шпионскими наклонностями. Увидеть чужое нутро со всевозможными уровнями, подуровнями, переходами и «черными дырами» – это уже, по всей вероятности, задача из области высшего психоаналитического нанопилотажа. И, вполне вероятно, что она вообще может оказаться науке неподвластной. Однако стремиться постоянно познавать себя и окружающий мир не только нужно, но и должно. В этом, соб-

ственно говоря, и состоит предназначение каждого мало-мальски просвещенного человека. По крайней мере, этому учит меня Поводырь, а сомневаться в его искренности и самых добрых намерениях, сами понимаете, у меня нет ни малейшего повода. Кстати, я тоже не теряю времени даром и пытаюсь приобщить Чикиту к самым разнообразным полезным вещам, которые уже освоил сам, – от приготовления омлета до... Кстати, что-то она затихла, надо бы проверить мою крошку...

С этой простой и благородной мыслью я зашел в гостиную и обомлел от картины, представшей моему очумелому, иначе и не скажешь, взору: Чикита сидела на диване, закинув ногу на ногу, и читала газету. Я уже молчу про то, что для пущей важности она нацепила на себя темные очки Поводыря и его ковбойскую шляпу, которую он-то как раз практически никогда не носил. Самое забавное состояло в том, что газета была перевернута вверх тормашками. Однако это обстоятельство, по всей видимости, нисколько не смущало неординарную читательницу. Более того, заметив меня, она с радостью соскочила с дивана и, подбежав ко мне, сунула мне под нос заинтересовавшую ее передовицу. Я хотел было вежливо отмахнуться от дурацкой статьи – а то что статья эта была по определению дурацкой, следовало из привитых мне Поводырем убеждений, что в газетах и по телевидению ничего серьезного и правдивого, как правило, не пишут и не показывают – однако не стал этого делать, решив, что нет правил без исключений. И, по-видимому, это было именно оно. Я взял газету из лап – ладно, ладно, извините! – из рук Чикиты, перевернул ее, как надо, и мы вместе уселись на диван и погрузились в поток слов, полностью захвативший мое воображение. Статья называлась «Они приходят из-за угла». Ввиду ее крайней важности привожу ее здесь целиком, сохраняя, естественно, стилистику и знаки препинания.

ОНИ ПРИХОДЯТ ИЗ-ЗА УГЛА

В последние несколько месяцев с разных сторон света одно за другим приходят сообщения о таинственном исчезновении людей. О первом таком случае, произошедшем в Словении близ деревушки Бохинь, стало известно из уст местной жительницы семидесятивосьмилетней Марыси Зденковой. Вернувшись в дом после утренней дойки коров, примерно около семи утра, пожилая женщина, лишь ступив на порог, почувствовала нечто странное. «Как будто невидимая стена выросла вдруг на моем пути. Я хотела сделать шаг, но не могла. Воздух сделался твердым как камень. Я попыталась надавить на него рукой: он слегка поддался будто тесто, но не дальше чем на полметра. Конечно, сил у меня немного и все же, поверьте, работаю от зари до зари. Сено, вон, к зиме заготавливаю с мужем. В общем, не собираюсь еще концы, как говорится, отдавать. Ну, думаю, раз уж такая напасть пошла, хоть попытаюсь разглядеть, что с мужем как раз за этой стеной-то делается. Он у меня приболел что-то и дома на постели лежал. Я глаза-то к стенке придвинула, вторую руку в это «тесто» просунула, так, словно шторки раздвигаю, руками сделала и обомлела. Гляжу, муж мой, спящий, слава Богу, так и не проснулся, голубок, царство ему небесное, прямо у меня на глазах как бы растворяться стал. И вдруг – бах и нет его, как будто и не было. И главное, эта стена сразу же взяла и исчезла куда-то. Я на кровать. Трогаю ее, зову его, касатика, а его нет, лишь тепло еще легкое на кровати осталось. И, знаете, запах еще такой свежий-свежий, как будто бы после грозы. И вот тут я уже не выдержала и разрыдалась, а потом пошла, позвала соседей. Мы всю округу вместе обыскали, ну а потом уже полицейские подъехали, и мы дали делу официальный ход. Но вот уж восемь месяцев прошло, с тех пор, как ангелы мужа-то моего забрали. Так что, думаю, вряд ли, чего уже изменить можно. Надеюсь и молюсь только за то, чтобы хорошо ему было там. Да и сама что-то сразу без него сдавать стала. Видно, скоро и за мной ангелы придут, так что недолго ему там одному маяться. Да, наверное, уж больше ничего вам и не скажу. Хотя нет, где-то месяца три тому назад приезжали ко

мне еще какие-то люди. Еще раз обо всем подробно расспросили. Вежливые, хорошие. Попросили разрешения дом внимательно осмотреть. Ну, я разрешила. Они целый день все вокруг и внутри с приборами какими-то ходили, мерили все, измеряли, но я так ничего и не поняла. Да, и они, по-моему, тоже. Собрались вечером у меня за столом. Я их свежим молочком угостила. «Знаете, – говорят, – странно, но никаких аномалий мы у вас не обнаружили!» «Чего же тут странного, – удивилась я, – мы тут всю жизнь прожили и никаких аномалий не видели! Ангелы все это, ангелы!»

Еще один случай произошел месяц спустя в Шотландии, в двадцати милях от Эдинбурга. Примечательно то, что свидетелей в данном случае было уже двое. Ими оказались супруги Клэктоны, возвращавшиеся из своего загородного дома в Эдинбург. «Дорога была практически безлюдной, – рассказывает миссис Клэктон, – когда мы с мужем подъехали к этому довольно крутому подъему. Впереди нас на очень приличной дистанции оказался единственный автомобиль, который взбирался на гору с черепашьей скоростью. Мы довольно быстро догнали его, но неожиданно нашу машину тряхнуло так, словно мы врезались во что-то мягкое. Муж на всякий случай притормозил, открыл окно и посмотрел по сторонам. «Все нормально, – бросил он мне, – и опять попытался ускориться...» «Вот именно, – вступает в разговор мистер Клэктон, – попытался, но у меня ничего не получилось. Я изо всех сил давил на газ, а машина двигалась все медленнее и медленнее. «Что за черт!» – выругался я и остановился. Автомобиль, находящийся примерно в ста футах от нас также остановился как вкопанный. Это был «Лотус Элиз». Из него вышел подтянутый молодой человек. Он повернулся к нам, успел только в недоумении развести руками и исчез. Просто взял и исчез. Испарился». «Вы тоже видели это, миссис Клэктон?» «Разумеется, я была просто в шоке. Никогда ничего подобного я не видела». «Вокруг никого не было?» «Абсолютно никого и ничего». «Что-то еще показалось вам странным?» «Пожалуй, что уж нет. Увиденного было вполне достаточно. Как только этот молодой человек исчез, пелена, не дававшая нам двинуться вперед, спала, так что мы с мужем смогли подойти к машине этого несчастного и внимательно осмотреть ее. Ничего, никаких следов. Далее мы вызвали полицию, вот, собственно, и все». «Спасибо».

А это уже репортаж трехнедельной давности из парка аттракционов в Чикаго. Рассказывают посетители Колеса обозрения. «Сначала мы не заметили ничего необычного. Все шло своим чередом. Внезапно Кэтти указала на соседнюю кабинку, в которой ехала молодая мама со своей дочкой лет пяти-шести. Я посмотрела в указанную сторону и вдруг обнаружила, что рядом с этой кабинкой движется как будто бы ее едва различимая проекция. Неожиданно из этой «проекции» два полупрозрачных силуэта перепрыгнули в настоящую кабинку, забрали оттуда маму с дочкой и моментально исчезли». «На кого они были похожи, эти призраки?» «Не знаю... на призраков, иначе это не объяснишь». «А ты что видел, Джек?» «Я видел, что в кабине были люди и вдруг они куда-то исчезли». «Сколько было людей, двое?» «Да, молодая женщина и девочка». «Они поднялись вверх или, может быть, просто упали?» «Нет, они исчезли, они абсолютно точно исчезли, я видел». «А мы тоже видели что-то наподобие кабинки-двойника. Ее дверцы открылись и – бац, люди исчезли!» «Вы видели призраков?» «Не думаю, скорее это додумали уже те, кто имеет слишком богатое воображение. Никаких призраков: мгновение – и в кабине как будто никого никогда и не было!»

Всего на сегодняшний день по всему миру зарегистрировано четырнадцать похожих случаев. Специальные службы ряда стран ведут розыск пропавших. Ученые пока воздерживаются от каких-либо комментариев, считая, что, как и с НЛО, всему, в конечном счете, найдется вполне земное объяснение. Что ж, может быть, и так. Но тогда с помощью чего вероятный не пойманный пока маньяк-убийца, действующий в международном масштабе, уничтожает своих потенциальных жертв?»

Пол Уортон Специально для «Санди Таймс»

Положив газету на колени, я закинул руки за голову и откинулся на спинку дивана, размышляя над прочитанным. Чикита сидела рядом, преданно заглядывая мне в глаза и ожидая, по-видимому, разъяснений. Сказать по правде, я вообще мало что понял из этой довольно дискретной, по своей сути, статьи, хотя, казалось бы, все должно было быть наоборот, имея в виду характерный для меня прерывистый образ мыслей. «Почему они приходят из-за угла? – думал я. – Где здесь, вообще, говорится о каких-либо углах? И кто такие, эти призраки или ангелы? Почему их, вроде бы, видят, а вроде, и нет? А главное, что такое Колесо обозрения? Может быть, там и должны исчезать люди?»

– Ведь в зеркале же они отражаются, правильно? – повернулся я к Чиките. – И это никого не удивляет! Почему бы там им не исчезать?

Чикита в недоумении пожала плечами и, видимо, искренне силясь мне помочь, вновь взяла газету вверх тормашками и углубилась в чтение. Примерно минуту спустя она издала радостный крик и перевернула газету в нужном направлении. Лоб ее прорезали две глубокие морщины. Глаза бегали от строчки к строчке, но никак не могли схватить суть всех этих малопонятных символов. От осознания собственной безграмотности она разнервничалась и, скомкав газету, за ненадобностью отшвырнула ее в угол.

– Я тоже очень многого не понимаю, – с грустью вздохнул я. – Ты хотя бы знаешь, кто ты, где родилась, кто твои родители. Наверное, у тебя даже есть цель?

При этих словах на устах красотки зарделась загадочная улыбка.

– А я вечный странник в этих хитросплетениях причин и следствий. Я не знаю, кто я, откуда и куда иду? Возможно, Поводырь сумеет раскрыть мне глаза, но сейчас я то и дело натываюсь на совершенно неожиданные препятствия. Вот, скажем, ты знаешь, для чего нужна эта кнопка? Нет? И я тоже. Давай-ка попробуем ее вместе нажать. Опа! Получилось.

Некоторое время мы с Чикитой как замороженные следили, как на огромном плоском экране появляются таинственные знаки. Наконец, когда их калейдоскоп закончился, я прочитал: «Введите пароль». «Ага, интересная задачка», – подумал я.

– А что, моя красавица, может быть, попробуем?»

Вообще, когда я ласково обращался к ней, Чикита становилась нежнее нежного и готова была, казалось, пойти за своего принца в огонь и воду. Желая подтвердить свою преданность, она в два прыжка оказалась у меня на коленях и с любопытством ученого сосредоточила свой пристальный взгляд на том, что, как я впоследствии узнал, оказалось клавиатурой компьютера. Не знаю, какой уж мыслительный процесс проходил в этот момент у нее в голове, но после его окончания она уверенно подняла свою правую лапку и скрюченным указательным пальцем уверенно нажала на одну из клавиш. На мгновение на экране загорелась какая-то цифра или буква, которую я даже не успел разглядеть, так как она практически тотчас же превратилась в жирную-прежирную точку. Чикита медленно перевела взгляд в мою сторону, как бы давая понять, что наступила моя очередь нажимать кнопки. Не скажу, что я вовсе не понимал того, что мы делаем. Напротив, в копилке моих знаний существовал целый пласт в отношении различного рода кодов, паролей, ребусов и прочего. Однако тогда это отнюдь не помогло мне, а напротив создало некоторый дискомфорт, потому что я совершенно неожиданно отчетливо понял, что на распознавание пароля нам потребуется целая уйма времени, если нам вообще когда-нибудь будет суждено расшифровать его. Но ударять в грязь лицом перед своей милой воспитанницей я, конечно же, не имел никакого права и потому, улыбнувшись ей своей белозубой улыбкой, я довольно уверенно хотя и чисто интуитивно нажал на одну из клавиш. Чикита удивленно посмотрела на меня, словно желая спросить: не ошибся ли я? Я сжал правую руку в кулак и, согнув ее в локте, поднял, словно бы говоря: «Венсеремос!», то есть «Мы победим!» Свой следующий ход моя малышка обдумывала чуть дольше обычного и сделала его теперь уже левой рукой: по всей видимости, из чисто суеверных соображений. Я моментально набрал

следующее уже заранее определенное мною число, после чего произошло невероятное: Чикита нажала на кнопку «Enter» и сформированный нами пароль был тут же благосклонно принят системой.

– Ты моя умница! – ласково потрепал я за голову свою красотку. – Похоже у нас получилось.

Уверен, что слово «умница» она слышала первый, ну, в крайнем случае, второй раз в жизни, однако, наверняка не осознавая всего емкого смысла этого слова, она прильнула к моей груди всем своим существом так нежно, словно ребенок, отчего сердце мое сжалось, а на глаза навернулись слезы. Далее, следуя скорее обычной логике, нежели интуиции, я набрал на экране первую букву практически любого алфавита – «А» и нажал «Enter». На экране появилось огромное количество слов и словосочетаний, начинавшихся на букву «А». Я пролистывал страницу за страницей, изредка произнося вслух: «Авиация, Авиценна... Адмиралтейство, Аде-науэр... Азербайджан, Азбука... Аквамарин... Акакий Акакиевич... Альберт Эйнштейн...» Неожиданно что-то екнуло у меня внутри, и я остановился.

–

Знаешь, кто такой Альберт Эйнштейн? – спросил я Чикиту.

–

Нет, – ответила она на своем малопонятном постороннему человеку языке.

– А, вот я, кажется, кое-что о нем слышал, но не прочь узнать побольше, – задумчиво протянул я и неожиданно услышал за спиной зычный голос незаметно вошедшего в комнату Поводыря:

–

Я могу устроить тебе с ним встречу, Странник!
Неприятный холодок пробежал у меня по спине.

–

Но ведь он уже умер, Поводырь?!

– Есть одно средство, – хлопнул он себя по карману, будто давая понять, что упоминаемое им средство находится именно там...

Глава 6. Рандеву с Эйнштейном.

Бесконечны лишь Вселенная и глупость человеческая.
Хотя насчет первой у меня имеются сомнения.

А.Эйнштейн

В тот холодный осенний вечер великий физик, ничего не подозревая, сидел в своем кабинете и что-то быстро писал. Стоявшая на столе лампа светила очень слабо, отчего ученый вынужден был склониться так низко, что едва не касался носом листа бумаги. Он то и дело поднимал голову, но уже через секунду она вновь неумолимо склонялась вниз под тяжестью одолевавших ее обладателя мыслей. Тени, отбрасываемые многочисленными книгами, в беспорядке лежавшими повсюду, мерцали столь загадочно, что несведущему могло показаться, что все это происходит во сне, а не наяву. Между тем, на самом деле это было не совсем так. Как объяснил мне Поводырь, давая мне странную чем-то похожую на мини-НЛЮ таблетку под названием «Brain extension», то есть, попросту говоря, «Расширитель мозга», после ее приема человек на короткий промежуток времени как бы высвобождал свою душу, давая ей возможность попасть в так называемое общее поле Разума, где она уже самостоятельно, в свою очередь, могла выбрать тот временной и пространственный сегмент, который ее в данный момент интересовал. Если бы я не был тем, кем был на самом деле, я, возможно, и усомнился бы в

правдивости слов моего наставника. Но поскольку я сам пришел в этот мир ниоткуда и неизвестно каким способом, я, ни секунды не мешкая, принял предложенную мне таблетку, попросив еще одну для Чикиты.

Как описать то, что случилось потом? Все задрожало, стены пентхауса заходили ходуном, Чикита от страха так сильно вцепилась в мою шею, что разодрала ее до крови, мы почувствовали страшный толчок, все расплылось, и мы понеслись со страшной скоростью по воронкообразному пространству, не чувствуя под собой ни ног, ни рук, да и вообще никакого ни ее ни моего тела. Воронка становилась все уже и уже и неожиданно выплюнула нас именно туда, куда я так мечтал попасть, а именно в знаменитый принстонский дом, в котором Альберт Эйнштейн провел последние двадцать лет жизни. Оказавшись у него за спиной, мы затаили дыхание, дабы не напугать своим неожиданным появлением корифея физической науки. Но Эйнштейн не был бы Эйнштейном, если бы не заметил, что в непосредственной близости от него произошло необъяснимое искривление пространства-времени. Он положил ручку на стол, медленно выпрямился в своем любимом кресле и повернулся в нашу сторону. Не знаю, как я бы повел себя на его месте, увидев непонятно откуда появившихся странного молодого человека с обезьянкой на плече, но старик повел себя очень достойно и, я бы даже сказал, озорно.

–

Кто здесь? – просто спросил он.

–

Это я Странник. А это Чикита. Вы видите нас?

– Конечно, что за вопрос?! Только что вы делаете на плече у своей Чикиты? – неожиданно пошутил он и тут же сам звонко расхохотался, сняв напряженность первой минуты нашего пребывания в общем поле Разума или, говоря по старинке, ирреальном мире. – Как вы вошли так незаметно? Я даже не слышал скрипа ступенек моей любимой лестницы. Впрочем, это не так важно, верно? Раз уж вы здесь, значит, вам что-то нужно... Но что?

Едва я открыл рот в робкой попытке попытаться объяснить причину нашего визита, как неутомимый гений поднял вверх указательный палец и произнес:

– Молчите! Кажется, я знаю.

От удивления я забыл даже то небольшое, о чем намеревался сказать. Чикита же нервно заерзала и неожиданно для себя самой издала странный звук, похожий на человеческое «О'кей», после чего, смутившись – а кто бы на ее месте не смутился? – закрыла лицо лапами и виновато потупилась, лишь изредка бросая в сторону пронизательного хозяина беглые взгляды.

– Вам, вероятно, не дается теория относительности, и вы пришли, для того чтобы я объяснил вам кое-что – ведь так?

– Да, но...

– Простачкам я говорю про теорию относительности: это когда Цюрих остановится у этого поезда. Но вы, я вижу, не простачки, особенно она, – заметил Эйнштейн и, откинувшись на спинку кресла, залился поистине детским смехом.

В этот момент мне удалось разглядеть его лучше. Толстый вязаный свитер, широкие холщовые брюки и сандалии на босу ногу – таков был нехитрый наряд этого великого человека. Но лицо, это испещренное морщинами лицо с пышными усами, обрамленное густой седой шевелюрой с вечно горящими огнем познания глазами, заставляли трепетать любого собеседника. Казалось, в его голове находится вся Вселенная, разложенная по полочкам, красиво упакованная и расписанная от и до математическими формулами. «Вот почему я здесь, – подумал я. – Конечно, кому, как ни Эйнштейну лучше знать, откуда я мог появиться на этой грешной земле, минуя не только зародышевую, но и последующие немаловажные, а, может быть, и самые важные стадии человеческой жизни. Надо пользоваться моментом и попытаться выяснить у ста-

рика...» Непроизвольно мой взгляд сфокусировался на его нервно подергивающейся в такт приступам хохота правой ногой, закинутой на левую.

Не оставив это без внимания, ученый счел нужным пояснить:

– В юности я обнаружил, что большой палец ноги рано или поздно проделывает дырку в носке. Поэтому с некоторых пор я перестал одевать носки.

– Думаю, вы имеете на это право, – выбрав нужный момент, вставил я.

– Ладно, ближе к делу, – лицо ученого приняло серьезное выражение, – на самом деле вы отвлекли меня от очень важного занятия: я заполнял налоговую декларацию. Это черт знает что! Вы, Странник, когда-нибудь заполняли налоговую декларацию? Вашу Чикиту я даже не спрашиваю.

– Я нет, – честно признался я. – Я вообще не представляю, что такое налоги.

– Счастливчик. Вы что же с Луны свалились, что ли?

«Может быть», – подумал я, но на всякий случай ответил:

– История моего появления на свет покрыта мраком, сэр. Поиски ответов на извечные вопросы и привели нас сюда.

Эйнштейн внимательно посмотрел на меня... Представляю удивление некоторых по поводу всего происходящего и ввиду дискретности моего образа мыслей не могу удержаться от нескольких ремарок в ответ на замечания закоренелых скептиков. Это был не сон, друзья, это был не сон. Это было особое состояние проникновения в то самое общее поле Разума, о котором я уже упоминал, живущее по своим собственным законам. Все было натурально и естественно, так, будто бы это происходило со мной в другой жизни, или, если хотите, в другом измерении. Я чувствовал запахи, звуки, шевеление Чикиты у меня на плече и ее тепло, я осознавал расстояние, отделявшее меня от физика всех времен и народов, я чувствовал массу своего тела, биение собственного сердца, дуновение ветра за окном и многое-многое другое, что чувствует обычно каждый человек. Пожалуй, единственное, что мне показалось странным, и то уже тогда, когда я вновь оказался в привычной для себя обстановке, это то, что в процессе общения с Эйнштейном я напрочь забыл о времени и о той другой реальности, из которой я был совсем недавно делегирован сюда необычным Поводырем. В сам же момент погружения я не помнил ни о каком Поводыре. Я вместе со своей подружкой-капуцином был полностью интегрирован в эту новую для нас среду, которая с каждым произнесенным гениальным ученым словом затягивала нас все больше и больше.

– Знаете, а вы мне нравитесь, – неожиданно произнес Эйнштейн, – в вас есть что-то трансцендентальное. Я это чувствую.

Услышать такое от любого человека было бы приятно, из уст же мэтра приятно в сто пятой степени.

– Этой фразой вы выдали мне незаслуженный аванс, – смутился я. – Надеюсь, вы редко ошибаетесь, и я смогу оправдать ваши ожидания.

– Вы имеете отношение к науке? Что вы заканчивали: Оксфорд, Кембридж? Я что-то не припоминаю вас по Принстону?

– Сэр, если честно, то я не... – замялся было я, но великодушный Эйнштейн и тут сумел разрядить ситуацию:

– Понятно. Вы самоучка. Ищите ответы на извечные вопросы?

– Да, сэр, и поэтому я хотел бы...

– Этого все хотят, – прищур глаз физика сделался узким до состояния бойницы, – помните, молодой человек, что воображение важнее, чем знания. Знания ограничены, тогда как воображение охватывает целый мир, стимулируя прогресс, порождая эволюцию.

– Я тоже так думаю, сэр, и поэтому...

– Все с детства знают, что то-то и то-то невозможно. Но всегда находится невежда, который этого не знает. Он-то и делает открытие.

– Вы думаете, что я мог бы сделать открытие?

– А почему нет? Кстати, если вы хотите вести счастливую жизнь, вы должны быть привязаны к цели, а не к людям или к... – тут его взгляд упал на затаившуюся теперь уже за моей спиной Чикиту, – ну, в общем, главное – это цель!

– Согласен и все же...

– Нет никаких «все же»! Наука может быть создана только теми, кто насквозь пропитан стремлением к истине и пониманию.

– Да, но я не то чтобы ученый, сэр.

– Но вы же хотите понять истину?

– Безусловно.

– Значит, вы в какой-то мере тоже ученый, исследователь. Да и вообще, каждый из нас – это один большой поиск. Что, по-вашему, есть человек?

– Мне трудно судить, сэр, я ведь еще совсем недавно...

– Человек – это часть целого, которое мы называем Вселенной, часть, ограниченная во времени и в пространстве. Он ощущает себя, свои мысли и чувства как нечто отдельное от всего остального мира, что является своего рода оптическим обманом. Эта иллюзия стала темницей для нас, ограничивающей нас миром собственных желаний и привязанностью к узкому кругу близких нам людей. Наша задача – освободиться из этой тюрьмы, расширив сферу своего участия до всякого живого существа, до целого мира, во всем его великолепии. Никто не сможет выполнить такую задачу до конца, но уже сами попытки достичь эту цель являются частью освобождения и основанием для внутренней уверенности.

Услышав из уст великого ученого тезис о расширении сферы участия человека до всякого живого существа, Чикита осмелела, расправила, насколько это было возможно, плечи и вышла из-за моей спины на передний план. Не знаю, как Эйнштейну, но лично мне показалось, что моя красotka восприняла только что сказанное как руководство к действию – такая решимость читалась в ее горящем взоре и белозубом оскале, плавно переходящем в довольно милую улыбку.

– Вы женаты, Странник? – на всякий случай уточнил Эйнштейн.

– Пока нет.

При слове «пока» Чикита зарделась и посмотрела на меня с большой надеждой. Далее, явно осмелев, она подошла к Эйнштейну вплотную и протянула ему лапу.

– Альберт, – привстав с кресла, произнес физик, – приятно познакомиться с вами, милая. Хотите чаю или, быть может, вы предпочитаете тропические соки?

– Спасибо, сэр, не нужно, – ответил я за нас обоих, – вы что-то говорили про теорию относительности?

– Ах, да! А я уж хотел было переключиться на что-нибудь попроще. Ну, вкратце суть специальной теории относительности такова. Что вам известно про пространство и время? Вижу, что ничего. Так вот, эта теория как раз и устанавливает связь между ними. Каким образом? Да очень просто! Оказывается, при движении любого физического тела по мере увеличения его скорости происходит сокращение этого тела, а также увеличение его массы. Конечно, при малых скоростях и расстояниях это практически незаметно, но в масштабе Вселенной сей феномен имеет огромное значение. А теперь примите за данность, что масса покоя фотона света равна нулю. Приняли?

Мы с Чикитой быстро переглянулись и одновременно утвердительно кивнули в ответ.

– Ну вот и славненько. А что из этого следует?

Я пожал плечами, а моя подружка нервно почесала затылок.

– Из этого следует, что наблюдатель не может со сверхсветовой скоростью догнать фотон, а потом двигаться вместе с ним со скоростью света. Хоть это-то вам понятно?

Посмотрев в наши пустые глаза, Эйнштейн махнул рукой, но, двигаясь по инерции, в соответствии с им же самым открытыми законами, он не мог уже остановиться и продолжал:

– Недостижимость для материального тела скорости света неизбежно приводит нас к выводу о возрастании массы тела с ростом скорости и стремлении массы к бесконечности с приближением скорости тела к скорости света. Прирост массы тела происходит за счет энергии, истраченной на его ускорение, и, более того, масса тела – это мера содержащейся в нем энергии. Масса и энергия – суть одно и то же!

– Масса и энергия – одно и то же? – как замороженный повторил я.

– Вот именно! А вот вам и формула, описывающая данную взаимосвязь: полная энергия любого тела равна произведению его массы на величину скорости света, возведенную во вторую степень.

Тут Эйнштейн сделал небольшую паузу, как бы давая нам понять, что уж, по крайней мере, эту фундаментальную истину мы просто-таки обязаны запомнить.

– Ладно. Идем далее. Для выполнения того условия, что наблюдатель не может догнать фотон и двигаться со скоростью света, необходимо также принять постулат о том, что скорость света одинакова вне зависимости от того, испускается ли свет покоящимся или движущимся источником. Она не складывается со скоростью самого источника, как должно было бы происходить в соответствии с законами классической физики. В связи с этим в системе координат движущегося тела, с точки зрения стороннего, то есть не находящегося в этой же движущейся системе координат наблюдателя, время замедляется, а размеры сокращаются в направлении движения.

– Время замедляется, а размеры сокращаются в направлении движения. Знаете, сэр, мне кажется, то, о чем вы сейчас говорите, однажды происходило со мной.

– Вы играли роль наблюдателя? – в очередной раз, придав лукавое выражение своему лицу, уточнил физик.

– Нет, просто однажды я был очень и очень маленьким и совсем не чувствовал хода времени. Как, впрочем, и сейчас... А что касается размеров, то по сравнению с вами, я просто букашка, сэр.

– Все относительно, молодой человек, все относительно. А теперь пару слов о гравитации. Запомните еще одну непреложную вещь: кто бы вам что ни говорил, но никакого так называемого пустого пространства не существует. В нем всегда что-то есть: вещество, излучения, физические поля. Природа не терпит пустоты. При этом распределение массы и энергии определяет геометрические свойства пространства-времени, в котором происходит движение физических тел. Важно понять, что, если в специальной теории относительности мы устанавливаем ограничение для скоростей распространения любых сигналов величиной скорости света, то в общей теории относительности мы вынужденно снимаем это ограничение ввиду мгновенного, то есть выше скорости света, действия гравитационных сил. Суть теории состоит в том, что все события во Вселенной происходят в четырехмерной системе координат. Три из них пространственные, а четвертая – время. Тела своими массами вызывают искривления метрики этого четырехмерного пространства. Они заставляют друг друга двигаться по искривленным траекториям, т.е. испытывать ускорения, что эквивалентно тяготению. Ну, а если пространство искривлено, то что?

– Если пространство искривлено, то в нем нет прямых дорог, – неожиданно сам для себя выпалил я.

– А вот и нет, мой странный друг, – откинулся на спинку кресла Эйнштейн. – Как раз, напротив. Представьте себе растянутую простыню. Представили?

– Ну да, – утвердительно кивнул я.

– А теперь мысленно положите в центр растянутой простыни арбуз!

– Именно арбуз? – на всякий случай уточнил я.

- Не обязательно. Ладно, положите в центр хотя бы дыню.
- Готово, сэр.
- Отлично. Что у вас произошло с пространством-простыней?
- Оно искривилось, сэр, под тяжестью спелой дыни.
- Вот как? Вы даже знаете, что ваша дыня спелая?
- Абсолютно уверен в этом, сэр.
- Уверенность – это хорошо. Главное, чтобы она не переходила в самоуверенность.

Чикита с беспокойством смотрела в нашу сторону, тщетно пытаясь вникнуть в то, о чем шла речь.

– Я все тебе потом объясню, моя хорошая, – успокоил я свою спутницу и потрепал ее по голове.

– Не отвлекайтесь, Странник, я не буду повторять дважды, – насупился Эйнштейн, – что вы теперь скажете про кривизну дорог?

Я немного подумал и сказал:

– Мне кажется, что я догадываюсь, о чем вы меня спрашиваете...

– И о чем же?

– О том, что из одной точки искривленного пространства в другую можно попасть двумя путями.

– Отлично, Странник, – похвалил меня сам Эйнштейн. – И что это за пути?

– Один по кривой траектории, ведущий по поверхности прогнувшейся под тяжестью дыни простыни, а другой напрямую, как бы сквозь дыню.

– Вы быстро все схватываете, – неожиданно проворно встал на ноги добродушный хозяин этого столь приветливого и уютного дома. – Этот короткий путь я называю “кротовой норой”. Когда-нибудь мы сможем самостоятельно проделать такую нору во Вселенной, и тогда любая, пусть даже самая отдаленная, галактика будет нам доступна. А сейчас я хотел бы сыграть вам Брамса. Вы любите Брамса, Странник?

– Признаться, я с ним не знаком, – потупился я.

– Ничего страшного, – вынимая из футляра потертую скрипку, сказал он. – Сейчас я вас с ним познакомлю.

С этими словами Эйнштейн ловко закинул инструмент на плечо, взял в правую руку смычок, прикоснулся им к напряженным струнам и заиграл дивную мелодию, которая, как я впоследствии узнал, называлась «Глубже все моя дремота...» Глаза моя закрылись сами собой, и я провалился в состояние полной гармонии и блаженства, из которого меня не могла вывести даже взволнованная Чикита, нервно теребящая меня за брючину...

Глава 7. Моя реальность.

Общее поле разума долго не хотело меня отпускать. По крайней мере, мне так почудилось. Я очнулся лишь оттого, что прохладная жидкость разлилась по всему моему телу. Как потом оказалось, сам Поводырь не ожидал такого поворота событий и, дабы побыстрее привести меня в чувство, аккуратно раздел и поставил под холодный душ. Я жадно ловил капли дождя – да-да, я не оговорился, в первое мгновение я был абсолютно уверен в том, что это именно дождь – по крайней мере, до тех, пор пока среди молний и жестких флуктуаций воздуха не услышал громоподобный голос Поводыря. Поскольку с тех пор на то, что именно он кричал, в моем мозгу произошло столь обильное наслоение всякой другой не менее значимой, а иногда, как вы увидите в дальнейшем, просто божественной информации, конкретных его слов я не помню. Помню однако, что эффект они произвели на меня неизгладимый, так что напрочь отбили охоту тормозить при переходе из одного пограничного состояния в другое.

– Что случилось, – спросил я, вглядываясь в тревожное лицо Поводыря, – и почему я в ванной... я что – слишком сильно испачкался?

– Нет, – протягивая халат, успокоил меня Поводырь, – прости, Странник, это моя ошибка. Я не должен был этого делать...

– Ты имеешь ввиду «Расширитель мозга»? – на всякий случай уточнил я. – Напротив мне очень даже понравилось! А как тебе, Чикита? – выйдя в зал и заметив озадаченную мордочку моей крошки, поинтересовался я у нее.

Неожиданно похорошевшая, как мне показалось, обезьянка-капуцин подняла кверху большой палец правой лапы-руки, ясно давая понять, что все прошло замечательно. Увидев этот жест, даже строгий в общем-то Поводырь не смог сдержать улыбку и спросил меня:

– Пить хочешь?

Только тут я почувствовал, какая меня мучает жажда! Холодная «кока-кола» в количестве пяти бутылочек сделала свое дело, и я, постепенно придя в себя, не без удовольствия рассказал моему наставнику о нашем с Чикитой невероятном путешествии в глубины, как я тогда думал, таинственного подсознания. Кстати, раз уж я обмолвился об этом, то, наверное, уместно будет сказать, что человеческий мозг, а тем более подсознание, – пожалуй, самые загадочные вещи на свете.

– Что мы, собственно, знаем о мозге? По крайней мере, я знаю только то, что он состоит из особых клеток-нейронов, способных объединяться в сети, хранить информацию и посылать нужные, а иногда и не очень нужные, сигналы различным частям нашего тела. Но как это, черт возьми, возможно?! Что уж тут говорить о подсознании, понятии, которому трудно дать хоть какое-то мало-мальски научное определение?! Попробуйте сами – хотите? И что у вас получилось? Подсознание – это то, что лежит за пределами восприятия реальности, описываемой при помощи пяти известных нам чувств. Неплохо! Но тогда нам надо определить границы этой самой реальности. А это уже сложнее. И потом ко мне, как вы понимаете, это имеет лишь косвенное отношение. Ведь я, как уже не раз говорил, живу в постоянном потоке, потоке чего-то необъяснимого, но совершенно отчетливо мною осязаемого и направленного. Куда несет меня этот поток? Я не знаю, но могу догадываться. Для этого у меня есть интуиция, иногда переходящая в настоящее шестое чувство. В эти моменты просветления мои чакры, мой третий глаз открываются – и тогда я могу видеть другую реальность, совершенно не похожую на ту, которую мы с вами привыкли наблюдать каждый день. Все, вроде бы, точно так, как всегда, но все это не статично, а как бы движется вместе с тобой относительно невидимого ориентира или центра... Нет, даже не так. Скорее, все умирает и возрождается вновь, или дискретно воспроизводится, так быстро, что обычный человеческий мозг не успевает различать эти молниеносные «реинкарнации». Запомните пока: наш мир не такой, каким он видится на первый взгляд. И еще одно: движение – все, конечная цель...

– Странник, с тобой точно все хорошо, – зачем-то положил мне руку на лоб Поводырь, – ты с кем сейчас разговариваешь?

– Вообще-то с вами, – толком не разобрав, зачем мне задан этот вопрос, – простодушно ответил я, – с кем же еще?

Чикита и Поводырь как-то таинственно, как мне показалось, переглянулись и одновременно пожали плечами, по-видимому, что-то пытаясь дать мне понять. Все тщетно. Я ничего не понял. Тем более, что мне так хотелось еще поговорить, особенно о том, что с нами произошло там, в принстонском доме Альберта Эйнштейна.

– Ты прекрасно выглядишь, Чикита, – неожиданно для себя самого произнес я, так как, возможно, оставаясь еще под остаточным действием «Расширителя мозга», действительно был удивлен ее красотой.

Клянусь, Чикита поняла меня и залилась краской. «Какого цвета была эта краска?» – может спросить меня какой-нибудь суперподозрительный скептик, живо представив перед

собой обезьянью мордочку. Ха-ха! У меня есть на это однозначный готовый ответ: она зарделась. Ее щеки покрылись румянцем. Именно так. И еще, кстати, мне показалось, что волос на ее теле стало меньше, спина распрямилась, да и вообще формы ее тела стали более женственными...

– Поводырь! Я могу задать тебе один вопрос?

– Хоть десять, – отозвался мой наставник, явно радуясь тому, что постепенно и я прихожу в нормальное состояние.

– Правда то, что человек произошел от обезьяны?

– Я так не думаю. Это устаревшая точка зрения.

Чикита нахмурилась и перевела взгляд в мою сторону, ожидая, какой я приведу в защиту нашего с ней потенциального родства веский аргумент.

– Хорошо, а если я докажу тебе, что это так? – не на шутку разошелся я.

– Интересно, каким это образом?

– Если я воспитаю ее на свой лад и превращу в настоящую леди?

Чикита сидела тише-тихо и от удовольствия потирала лапы.

– Вряд ли, это у тебя получится, – усомнился было Поводырь, – хотя, если это поможет тебе обрести самого себя и придаст уверенности – почему бы и нет?!

Шекспировская пауза повисла в пропитанном легким океанским бризом воздухе. В это время каждый думал о своем: Чикита о волшебном превращении невзрачной Золушки в принцессу, я о той новой составляющей, которую привнесла в мою реальность замечательная таблетка «Brain extension»... О чем думал в тот момент величественный и всезнающий Поводырь, было неизвестно...

Моя реальность и без того необычная, дискретная и крайне порой динамичная после медикаментозного вмешательства Поводыря приобрела еще одну пока мало понятную мне временную грань. Как я смог переместиться туда в это, казалось бы, чужое и давно уже канувшее в Лету пространство? Что это было – плод моего воображения или параллельный мир? Антипоступательное движение? Прыжок во времени сквозь «кротовую нору»? Чувства мои перемешались. Смятение было полным. У меня возникло столько вопросов, что я вот-вот готов был лопнуть от их количества. Все казалось мне весьма необычным. Обладая чудовищной интуицией, я догадывался, что могу, если и не предсказывать, то хотя бы частично предугадывать будущее. Но это было связано с движением вперед, а никак не в сторону и уж тем более назад!

– Я не понимаю, Поводырь, как это вообще возможно?

– Что именно?

– Встреча с Эйнштейном.

– Так вы все-таки встретились с ним?

– А ты разве не знал?

– Я предполагал, – смерил меня оценивающим взглядом мой наставник, – но я не был до конца уверен. Дело в том, что это особые таблетки, которые не купишь в аптеке. Но и это не самое главное. Они действуют далеко не на всех.

– А ты пробовал их сам?

– В том-то и дело – эффект «ноль»! На меня больше действует травка.

– Травка?! – изумился я.

– Да, но об этом мы поговорим в другой раз, – отрезал Поводырь. – А теперь расскажи мне, как все это было?

Я подался вперед и, стараясь не пропустить ничего существенного, подробно описал наше с Чикитой посещение дома великого физика. Периодически я бросал взгляды на свою подружку, которая в такт утвердительно покачивала головой, тем самым как бы подтверждая истинность моих слов. Когда я закончил, Поводырь встал и несколько раз прошелся по залу,

размышляя над тем, как это все можно интерпретировать и использовать на благо общего дела. Наконец, он встал как вкопанный и произнес то, что, по крайней мере, я никак не ожидал услышать:

– Ни хрена не понимаю! – откровенно выпалил он. – Но, признаться, я доволен. Конечно, не стоит злоупотреблять этими препаратами, но в принципе, если это будет необходимо...

– Я думаю, что в какой-то момент – да, – поспешил вставить я нужную реплику. – Даже, если ты считаешь это небезопасным, разве есть смысл останавливаться: я ведь все равно – лишь один большой эксперимент, разве не так?

Мой друг как-то подозрительно посмотрел на меня:

– Один большой эксперимент? Я не уверен. Тогда мы тоже все – одни большие эксперименты... Хотя, возможно, что так оно и есть.

Какое-то время мы дружно молчали, наконец я не выдержал и снова спросил:

– Поводырь, и все же мы были там или нам все это показалось?

– То же самое хочется спросить и у вас: вы были там или?.. В инструкции о применении к «Расширителю мозга» говорится, что препарат способствует временной реструктуризации мозга в соответствии с данной ему установкой при одновременном изменении окружающей реальности в соответствии с заданными параметрами. Изменяется ли при этом сама реальность или все это является лишь плодом воображения, я не знаю. Собственно, когда мы это поймем, точнее, если мы это поймем, мы сумеем вплотную приблизиться к ответу на вопрос: как устроено наше мироздание и, соответственно, откуда ты к нам пришел. Хотя раз ты к нам откуда-то, как ты считаешь, пришел, значит, меняется сама реальность...

– Или она не такая, какой кажется на первый взгляд!

– Может, и так, – согласился со мной Поводырь, – в любом случае, нам нужно отыскать ту дверь, через которую ты вошел, где бы она ни находилась!

По моему телу прошла легкая дрожь.

– Когда мы найдем эту дверь, надеюсь, ты не выставишь меня за нее?

– Конечно нет, Странник. Обещаю. Но, возможно, – задумавшись на мгновение, добавил он, – одну-две просьбы я попрошу тебя выполнить.

– В любое время, Поводырь, хоть сейчас! – вскочил я со своего места.

– Не торопись! Сейчас ты не готов. Прежде всего, ты должен набраться знаний и житейской мудрости, ну и, разумеется, наполнить твою собственную реальность таким образом, чтобы она приняла более-менее ясные очертания и стала доступной для понимания других. Кстати, на сегодня у меня есть для тебя одно очень интересное предложение. Ты готов?

– Конечно. Можно только я возьму с собой... – посмотрел было я в сторону Чикиты.

– Нет.

Не помню, возможно, я забыл рассказать вам о том, что в какой-то момент мы договорились с Поводырем о том, что я не таскаю за собой повсюду свою подружку. Это было печально, но как постепенно я стал понимать, справедливо, поскольку не во всех местах, даже в такой дружелюбной стране, как Панама, это было уместно.

– Окей, Поводырь, у меня есть десять минут: я переоденусь и дам Чиките домашнее задание?

– Хорошо, – ухмыльнулся он и добавил: – я жду тебя в машине.

Я забежал в свою комнату огромных размеров, оборудованную на самом высоком уровне, вынул из шкафа свеженькую рубашку цвета панамского утра, кремовые хлопковые брюки и совершенно невесомые ботинки со слегка заостренными носами. Честно говоря, эти заостренные носы были противны моему естеству, но Поводырь объяснил мне, что сейчас это модно, и, хотя я не очень точно понимал значение этого слова, как всегда без тени сомнений поверил своему новому другу и смирился с этим обстоятельством. Как бы то ни было, войдя к Чиките с уже готовым для нее заданием в голове, я был встречен восторженным возгласом,

отдаленно напоминающем английское «Wow!», что могло означать только одно: мой волшебный прикид ей понравился.

– Я скоро вернусь, – потрепал я по голове мою ученицу, – а пока – вот тебе небольшое задание, – с этими словами я протянул ей обыкновенную закрытую колпачком шариковую ручку и лист бумаги, – догадайся, для чего нужны эти предметы и как их можно использовать по назначению! Если у тебя получится, я приготовлю тебе потрясающий фруктовый салат. Своими руками. Уж не знаю, которое из двух моих обещаний понравилось Чиките больше: фруктовый салат или своими руками, но, не медля ни секунды, она схватила переданные ей мною предметы и приступила к их тщательному изучению всеми доступными для нее способами.

Спустившись на скоростном лифте, я вышел из подъезда и попал в шумную суматоху города. Только что закончился рабочий день у сотрудников многочисленных офисов, и они целыми толпами заполняли и без того оживленные улицы Панама-Сити, превращая их в бурлящие реки из людей и машин. При всем этом многообразии, не лишенном, я бы даже сказал, некоторого лоска, автомобиль, точнее, белоснежный лимузин Поводыря все же ярко выделялся на этом глубоко экспрессионистском фоне. Мой наставник сам сидел за рулем и жестом пригласил меня сесть рядом на переднее сидение.

– Можно, я поведу машину? – неожиданно спросил я сквозь наполовину приспущенное стекло передней двери.

– А ты умеешь? – с недоверием посмотрел на меня Поводырь.

– Кажется, да, – мысленно перебирая загруженную в меня при появлении на свет информацию, ответил я, – я хорошо умею водить автомобили, вертолеты, самолеты и неплохо катаюсь на лошади.

Последнее удивило и меня самого.

– Ладно, – мой новый друг только и пожал плечами и уступил мне место, расположившись, как мне показалось, на всякий случай, рядом.

– Да тут всего две педали – класс! – крикнул я и что было силы нажал на газ.

Как мне потом поведал свои ощущения Поводырь, такого оцепенения он не испытывал довольно давно, а запах паленой резины еще долго смешивался с запахом его, да и моего тоже, очень дорогого одеколona.

– Ты что очумел?! Тормози! – грозно рявкнул на меня мой старший товарищ, но я уже и сам понял, что допустил некий перегиб и заметно сбавил обороты, чем ненадолго, а именно до следующего светофора, несколько успокоил окружавшую нас публику.

– Прости, Поводырь, я не думал, что она такая резвая, – признался я и, постепенно принаравливаясь к крутому нраву автомобиля, уверенно проехал на красный свет, едва не зацепив двух лихих патлатых мотоциклистов.

– Ты дальтоник? – видя, что я постепенно прибираю к рукам тайные нити управления этой малышкой, чуть более спокойным тоном поинтересовался Поводырь.

– Может быть, да, а может быть, и нет, – ответил я. – Я просто не знаю, что это такое.

– Понятно. Ты различаешь цвета?

– Конечно.

– Какой свет горит впереди?

– Зеленый.

– Ну, Слава Богу, – с облегчением выдохнул мой учитель. – А с правилами дорожного движения ты знаком?

Мысленно я залез на самую запыленную полку моего недавно разбуженного сознания, порылся там какое-то время, но так ничего и не обнаружив, честно признался:

– Нет, не знаком.

– В таком случае нам лучше поменяться местами, – резонно предложил он, с чем я вынужден был согласиться, хотя, как вы понимаете, делать мне это совсем не хотелось.

Нет худа без добра – оставшуюся часть пути мы проделали без происшествий под веселую музыку очень популярной здесь группы «Sobrevivientes». В моих ушах до сих пор звучит звонкий голос солистки Сандры Сандовал:

Estoy cansada ya
Que tu me digas
Que te molesta
Que te lastima
Cuando salgo a pasear
Con mis amigas...

И, наконец, подъехали к очень, по крайней мере, с виду веселому заведению с романтическим названием: «Fresa», то есть, попросту говоря, «Клубничка». «Сейчас я наемся ягод по самое небалуйся», – резонно предположил я, как в общем-то на самом деле и получилось. Заведение оказалось закрытым клубом, членом которого Поводырь являлся с декабря две тысячи... хотя какая, собственно, разница, с какого года Поводырь являлся членом этого клуба! Главное, он привел меня сюда и окунул в атмосферу настоящей красоты и чувственных наслаждений.

На первом этаже этого фешенебельного по любым меркам заведения находился ресторан, где столики стояли вокруг небольших подиумов с шестами, вокруг которых крутились и изгибались, точно лианы, яркие полуобнаженные красотки в туфлях на высоких каблуках и блестящих трусиках. Причем самое пикантное состояло в том, что по окончании каждого танца эти и без того едва различимые трусики как бы невзначай слетали с упругих тел и летели в зал. Одни из них мне удалось поймать и я даже хотел отнести их Чиките в качестве, скажем так, боевого трофея, но когда я поделился этой мыслью с Поводырем, он покрутил пальцем у виска и сказал, что больше не даст мне пить текилу, которую любезно и довольно оперативно приносила мне официантка Кристина, имя которой я узнал по татуировке на ее левой обнаженной груди.

Здесь мы провели около часа, но после того, как я неожиданно выскочил на подиум и затанцевал вместе с очередной красоткой на глазах изумленной публики, Поводырь решительным жестом позвал меня обратно и, расплатившись, повел на второй этаж.

– Пожалуйста, – умолял я его, – давай еще побудем здесь немного. Мне так нравится. Моя реальность наполняется новым содержанием, становится богаче и объемней.

– Я и не увожу тебя, – успокоил меня мой друг. – В этом здании пять этажей, и каждый из них по-своему прекрасен.

– Пять? – изумился я. – Знаешь, мне кажется, я столько не выпью!

– Мы не будем больше пить, по крайней мере, ты! Мы будем медленно расширять границы твоей реальности.

– Как?

– Нежно!

На втором этаже этого милого заведения находился свингер-клуб.

– Что такое свингер, Поводырь? Свинг, по-английски – замена, правильно?

– Да, правильно, но нам надо подняться этажом выше.

– А кто здесь чем меняется? – не унимался я.

– Ты, правда, хочешь это знать? – пристально посмотрел он на меня.

– Конечно.

– Здесь некоторые не совсем обычные люди меняются своими половыми партнерами.

– Вот оно как, – почесал я затылок, – вопросов становится больше, чем ответов... А что находится на том этаже, на который мы поднимаемся?

– Массажный салон.

– Это хорошо, – мечтательно протянул я, – массаж великое искусство. Еще в древней Индии широко практиковалась аюрведа, эффективная лечебная методика! Поводырь, а что находится на четвертом этаже?

– Гей-клуб.

– Кажется, я знаю, что это такое, – смутился я. – Ну, а на пятом?

– Розовая территория.

– Там что же – все в розовых тонах? – удивился я.

– Совершенно верно, и доступ разрешен только женщинам определенной ориентации, – Поводырь внимательно посмотрел на меня, видимо, ожидая уточняющего вопроса с моей стороны.

Я, понятно, не стал его разочаровывать и спросил:

– Какой такой ориентации?

– Лесбийской!

– Не может быть, – выдохнул я из себя аромат текилы и лайма.

– Может, может, – хитро подмигнул мне Поводырь, – тут, кстати, есть еще и подвал, где собираются садомазохисты.

– А это еще, что за звери? – удивился я.

– Ладно, об этом как-нибудь в другой раз, – ответил он. – Мы пришли.

Массажный салон оказался на редкость привлекательным. Встретившая нас полуобнаженная девушка по имени Сильвия показала нам, где мы можем раздеться и принять душ. Прохладная струя приятно обдала мое разгоряченное напитками и впечатлениями тело. Освежившись, я вышел в предбанник, где за столом, вытянувшись в жезлонге, сидел мой наставник и с удовольствием потягивал пиво. Не успел я сказать фразу: «Я тоже хочу», как очень, ну просто очень, милая смуглая девушка стрелой метнулась к бару и тут же вернулась ко мне с наполненным до краев бокалом.

– Они, что тут – умеют читать мысли? – искренне поразился я.

– Вроде того, – уклончиво ответил мой старший товарищ и спросил: – ну, ты готов?

– К чему, к массажу, – удивился я, – а чего к нему готовиться?

– Ну-ну, – ухмыльнулся Поводырь и нажал на встроенную в столешницу кнопку.

С момента нажатия кнопки и до того, как появились они, я едва успел сделать несколько глотков. Зря я внимательнее не прислушался к тону, которым со мной разговаривал Поводырь, в противном случае я успел бы выпить пива побольше, чтобы мое горло не пересохло от увиденной поистине божественной красоты. В просторный зал, где мы расположились, вошли двадцать юных небесных созданий. Это были девушки на любой вкус и, как говорится, размер. Белые и темнокожие, брюнетки и блондинки, с латиноамериканской, восточной и европейской внешностью. Глаза мои разбежались в разные стороны, потом собрались в кучку и скромно потупились, потом снова уже с удвоенной энергией заскользили по прекрасным отточенным телам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.